

**Московский гуманитарный университет
Кафедра истории**

А. А. Королев

**Этноменталитет:
сущность, структура, проблемы формирования**

Издательство Московского гуманитарного университета

2011

УДК 316.6
К 68

Рецензенты:

Данилов А. А., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Козьменко В. М., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»

Алексеев С. В., доктор исторических наук, профессор, НОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

К 68 Королев А. А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования : Научная монография. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та «Социум», 2011. — 68 с. ISBN 978-5-98079-68-5

В монографии доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А. А. Королева рассматриваются актуальные проблемы формирования менталитета, в частности, российского (русского) как фундаментального понятия социогуманитарного знания. Без понимания его сущности, содержания и структуры нельзя охарактеризовать духовность человека как специфического способа психической жизни, как высшего выражения человечности. В работе убедительно показано, что этноменталитет как духовная субстанция не существует в безвоздушном пространстве, а функционирует в рамках конкретного отдельного этноса. Этнический фактор влияет на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентации, на социальное поведение как отдельного индивида, так и группы, общности. Этноменталитет проявляется в образе той или иной страны и населяющего его народа (народов), в национальном характере, национальной (русской) идее и т. д.

Монография подготовлена на основе прочитанного автором учебного курса в Московском гуманитарном университете. Монография обсуждена и рекомендована к печати на кафедре истории с участием учёных кафедр общей психологии и истории психологии, философии, культурологии и политологии МосГУ.

Шеф-редактор монографии доктор исторических наук, профессор
Криворученко В. К.

© Королёв А. А., 2011

© МосГУ, 2011

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Менталитет — проблема межпредметная	5
Глава 2. Образ России глазами иностранцев	28
Глава 3. Русский и американский менталитет	39
Глава 4. Русские и другие	44
Глава 5. Русский национальный характер	47
Глава 6. Характерные черты русского народа	51
Глава 7. Национальная идея: поиски в России	60
Глава 8. Русофобия	65

Предисловие

Развитие социогуманитарных наук в последнее время обозначило актуальность разработки базовых понятий и категорий, которые носят межпредметный, системный характер. Эти базовые опорные понятия дают возможность вскрыть бесконечное множество связей, опосредований, человеческих потенций, которые отражают духовно-общественные реалии. Прислушаемся к методологическому замечанию А. Про, известного французского мыслителя, о соотношении понятия как логического конструкта и отражаемой им исторической реальности. «Нельзя, следовательно, утверждать, — пишет он, — что понятия предписывают истории строгий логический порядок. Правильнее было бы говорить не об уже сформировавшихся понятиях, а о концептуализации как операции и исследовании или о возведении лексических единиц в ранг понятия. Концептуализация упорядочивает историческую реальность, но это упорядочение — относительное и всегда лишь частичное, ибо реальное никогда не может быть сведено к рациональному; оно, реальное, всегда содержит элемент случайности, и конкретные особенности неизбежно нарушают красоту и порядок концептов. Исторические реалии никогда не соответствуют полностью понятиям, с помощью которых мы их мыслим; жизнь без конца выходит за рамки логики, и в списке рационально выстроенных существенных черт, составляющих понятие, всегда имеются такие, которые обманывают наши ожидания, либо имеют какую-нибудь непредвиденную конфигурацию. Все это ведет к весьма серьезным последствиям: концептуализация вносит в реальное некоторый порядок, но это несовершенный, неполный и неправомерный порядок»¹.

Есть фундаментальные понятия, которые имеют неявный характер с разбегающимися смыслами, но без понимания их сущности, содержания и структуры невозможно охарактеризовать духовность человека как специфически человеческий способ психической жизни, как высшее выражение человечности. К таким понятиям относится менталитет — ментальность, которые можно рассматривать как синонимы.

¹ Про Антуан. Двенадцать уроков истории. М., 2000.

Глава 1

Менталитет — проблема межпредметная

Одни исследователи оспаривают необходимость использования этого понятия вследствие его неопределенности, другие считают, что менталитет имеет право на существование лишь как научный инструментарий, третьи отстаивают позицию, что менталитет — это стержень всей экономической, социально-экономической культурной жизни общества, определяющей его самобытность. Подчеркнем, что без изучения проблемы менталитета, особенно российского (русского) нельзя проводить эффективно различные реформы в социально-гуманитарной сфере, да и осуществлять продуманно модернизацию страны, о которой заявил Президент РФ Д. А. Медведев в 2008 г. Но даже активные сторонники менталитета подчас затрудняются определить предмет своего исследования¹.

В научном мире существуют большие разночтения в понимании ментальности (менталитета): то ли это противоречивая целостность картины мира, то ли дорефлективный слой сознания, то ли социокультурный автоматизм сознания индивидов и групп, то ли глобальный, всеобъемлющий «эфир» культуры, в который погружены все члены общества (А. Я. Гуревич). Философ А. П. Огурцов ставит под вопрос «российский менталитет» на том основании, что существуют априорные структуры сознания, инвариантные слои в жизневосприятии человека, что именно эти «глубинные» слои определяют и рефлексивные акты, и осознанное поведение².

Но есть и другая точка зрения. Соглашаясь с тем, что существуют априорные структуры сознания и подсознания, инварианты «глубинной» психологии, в конце концов, архетипическое наследие личности и «коллективное» бессознательное, представители этого научного направления (автор данной монографии разделяет эту точку зрения) считают, что объективно-духовные структуры коррелируются целой системой природно-географических, социокультурных факторов, что «на выходе» придает проявлениям менталитета свой неповторимый дух, направленность умонастроений и поведения как на отрефлектированном, так и на бессознательном уровне.

Идет по-прежнему дискуссия по вопросам: является ли менталитет постоянной величиной или переменной, вариативной, гибкой? Какие черты национального менталитета являются сущностными, а какие случайными?

¹ См.: Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М., 1997.

² См.: Огурцов А. П. Трудности анализа менталитета // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002. С. 380–381.

Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном. Есть точка зрения, что термин «менталитет» впервые был использован не в философском, а в этнологическом труде «La mentalité primitive» Л. Леви-Брюлем. Исследователь ставил задачу выявить сознание архаичных («примитивных») обществ, так называемое «прологическое мышление» первобытных людей, которое одновременно обнаруживает и непроницаемость в отношении опыта и нечувствительность к противоречию¹. Хотя это понятие имело поначалу достаточно метафизический расплывчатый характер, впоследствии уже в XX в. оно оказалось в центре межпредметного исследования. В изучении менталитета преуспели лингвисты, социологи, культурологи, философы, политологи, а позднее и психологи, историки (историю ментальностей успешно разрабатывала французская школа «Анналов»). В изучении этой дефиниции нельзя отдать пальму первенства ни одной из названных наук, так как каждая вносила свой вклад в изучение данного феномена. Ибо «...постнеклассическая наука характеризуется ростом числа междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты как уникальные саморазвивающиеся системы «многоклеточны», многомерны, и требуют практической реализации принципа дополнительности»².

Термин «менталитет» происходит от латинского mens, mentis (ум, мышление, душевный склад). В большинстве западноевропейских языков смысл менталитета примерно одинаков: mentalité (фр.) — направление мыслей, умонастроение, склад ума; mentality (англ.) — склад ума, ум, умонастроение. Менталитет в англоязычных словарях отличается от содержания, которое вкладывают в него отечественные психологи. Это, прежде всего, «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов», «обобщение всех характеристик, отличающих ум», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума», «образ мыслителей, направление или характер размышлений», «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических»³.

Имея в виду, что «менталитет» — проблема межпредметная, тем не менее попытаемся выявить особенности «ведомственного» подхода к его изучению. Так, философ Р. В. Манекен под менталитетом понимает «совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый пси-

¹ См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

² Гусельцева М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М., 2009. С. 27.

³ См.: Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 428.

хический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы»¹.

Чешский ученый Франтишек Граус дал определение менталитета, как «общий тонус», «вживленные образцы», стереотипы мнений, действий, предрасположенность индивидуума к определенным типам реакций².

Исследователь ментальности народов мира Г. Гачев рассматривает это понятие через совокупность трех компонентов — Космо-Психо-Логос: «...моя работа, — указывает автор, — определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы — как музыкальные инструменты, один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяю»³.

По мнению философа С. А. Храпова, «менталитет — это духовный феномен, сопряженный в своей динамике с коллективным, социальным бессознательным и общественным сознанием, содержащий иерархизированные бессознательные и сознательные элементы и кодекс поведения, определяющий национально-культурную уникальность и идентификацию субъекта исторического процесса»⁴.

Философ Д. В. Полежаев считает, что менталитет — это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система внутренних глубоко-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и на уровне внесознательного (неосознанного). В структуре менталитета он полагает необходимым выделить основные блоки-установки: а) восприятие, б) оценка, в) поведение. Это своего рода «горизонтальное», функциональное деление.

К «вертикальным» составляющим автор относит социальные установки индивидуального и массового сознания и сферы внесознательного, влияющие на выработку отношения к окружающим человека явлениям, событиям и процессам. В качестве наиболее важных он обозначает следующие установки: правовую, природную, хозяйственно-экономическую, национально-патриотическую и др.⁵

¹ Манекен Р. В. Контент — анализ как метод исследования исторической мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччоно) // Клио. 1991. № 1. С. 28.

² См.: История ментальностей: Историческая антропология. М., 1996. С. 80.

³ Гачев Г. Д. Ментальность народов мира. М., 2003. С. 440.

⁴ Храпов С. А. Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) // Власть. 2010. № 10. С. 41.

⁵ См.: Полежаев Д. В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 119–120.

Нетрудно заметить, что философы широко используют в своих определениях «ментальность» базовые понятия психологической науки, как-то: сознательное и бессознательное, установки, стереотипы и т. д.

Под влиянием понятийного аппарата психологии находятся и историки, точнее, представители «новой культурной истории», в частности, французской школы «Анналы».

В ходе дискуссии по проблемам менталитета в Институте философии РАН выявлены такие компоненты российского менталитета, как разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности, облачение национальной идеи («русской идеи») в мессианские одеяния, открытость или всеотзывчивость русского менталитета и т. д.¹

Французские историки (школа «Анналов») и структуралисты одними из первых приступили еще в середине 30-х гг. XX в. к разработке проблем истории ментальностей.

Согласно представителю «Анналов» Ж. Ле Гоффу, «ментальности — это не четко сформулированные и не вполне ... осознаваемые стереотипные процедуры мышления, а также лишённые логики умственные образы, которые присущи конкретной эпохе или определенной группе»².

История ментальностей (менталитета) — область изучения прошлого, неотъемлемая часть «новой социальной истории» как истории социально-культурной. Оформилась в самостоятельное направление в 1960-е вначале в западном, а затем во всем европейском гуманитарном знании в рамках так называемого «историко-антропологического поворота» — интереса к человеку, его представлениям и образу жизни. Упрочение позиций истории ментальностей именно в десятилетие «ниспровержения основ» и вызревания студенческой революции 1968 г. (движения «новых левых») связано с попытками переориентировать науки о прошлом с «истории героев» (правителей, мыслителей, полководцев, дипломатов) на «историю рядовых людей». В центр научных трудов были поставлены воззрения народа, эмоции и мысли обычных, в том числе — «простых людей», анализ движущих механизмов их социального поведения. Предмет истории ментальностей — реконструкция способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание и мироощущение; способы и содержание мышления;

¹ См.: Огурцов А. П. Указ. соч. С. 378.

² Цит. по: Храпов С. А. Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) // Власть. 2010. № 10. С. 39.

представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом в целом. История ментальностей ставит в центр исследовательского внимания изучение всего постоянного (социально-психологических констант), медленных, подспудных изменений, растянутых во времени очень большой протяженности¹.

Предмет изучения истории ментальностей отчасти сближается с предметом семиотики, науки о знаковых системах, которая, как известно, получила большое развитие в нашей стране в трудах ученых тартуской школы: Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и др. Подходы семиотики и истории ментальностей различны, и если семиотика осознает себя преимущественно в качестве дисциплины, выросшей из лингвистики и совершающей экспансию во все другие сферы человеческой деятельности, понимаемые ею как тексты, знаковые системы которых подлежат расшифровке, то история ментальностей отличается от социальной психологии, по мнению А. Я. Гуревича, тем, что сосредоточивает свое внимание не на настроениях конъюнктурных, легко изменчивых состояниях психики, а на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением.

К подобным представлениям относятся, в частности, восприятие пространства и времени и связанное с ними осознание истории (поступательное развитие или повторение, круговорот, регресс, статика, а не движение, и т. п.); отношение мира земного с миром потусторонним, и соответственно восприятие и переживание смерти; разграничение естественного и сверхъестественного, соотношение духа и материи; установки, касающиеся детства, старости, болезней, семьи, секса, женщины; отношение к природе; оценка общества и его компонентов; понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в социуме или, наоборот, ее поглощенности им; отношение к труду, собственности, богатству и бедности, к разным видам богатства и разным сферам деятельности; установки на новое или на традицию; оценки права и обычая и их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация свободы и т. д.²

Немецкий историк Герд Телленбах дал такое определение менталитета: «Всеобщая установка, или коллективный образ мысли, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как саморазумеющееся»³.

¹ Valya. 10.26.2009

² См.: Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.

³ История ментальностей: Историческая антропология. С. 93.

Российский историк В. С. Каблухов считает, что менталитет — это система представлений, включающая весь комплекс мировосприятия и спектра ценностей, подкрепленных традиций, в рамках конкретной группы и исторической эпохи, где главными являются материальные и корпоративные интересы¹.

И. К. Пантин, историк и политолог, говоря о ментальности, рассматривает ее «как выражение на уровне культуры народа, исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов ее решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах.

Другими словами, в менталитете определенной нации откладывается — другое дело, каким образом — ее исторический опыт, перипетии ее формирования и развития. Менталитет, как мне представляется, это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические»².

В политологическом словаре дается следующее определение: «Менталитет — обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума и даже умонастроения»³.

В толковом словаре «Евразийская мудрость от «А» до «Я» менталитет рассматривается как устойчивый изоморфизм, присущий культуре или группе культур, который обычно не рефлектируется, принимается в этой культуре как естественный. Менталитет превращается в серьезную проблему на стыке культур, а также на крутых социокультурных переломах, в тех случаях, когда социокультурное противоречие, нарушение социокультурного закона носит столь глубокий характер, что требует для своего преодоления сдвигов в менталитете. Это может иметь место, например, в условиях перехода к либеральной цивилизации, модернизации. Менталитет может быть выражен как особый, крайне устойчивый способ организации, структуры освоения, осмысления через систему основополагающих дуальных оппозиций, систему основополагающих ценностей, ряд переходящих друг в друга элементов: 1) Соотношение инверсии и медиации, меры между ними. 2) Мера

¹ См.: Каблухов В. С. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период 1861–1905 гг. М., 1997. С. 4.

² Пантин И. К. Национальный менталитет и история России // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 348.

³ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 174.

между эмоциональным и интеллектуальным уровнями в принятии решений. 3) Мера между стремлением оставить все без изменения, экстраполировать культурный потенциал прошлого на осмысляемое или пойти по пути интерпретации, открывающей путь новому, возможно ориентации на прогресс, развитие. 4) Мера между полюсами оппозиции: условия — цели, что может быть выражено стремлением ограничиться изменением условий, либо развитием целей, а также ориентацией на поиск средств. 5) Мера преодоления оппозиции: комфортное состояние — дискомфортное. 6) Мера преодоления полюсов дуальной оппозиции; монолог — диалог. 7) Важным показателем является также приемлемый поток новшеств, а также их шаг новизны. 8) Мера рефлексии, критического отношения к самому себе, способность к самоизменению, самоуглублению менталитета. 9) Менталитет может быть охарактеризован системой нравственных идеалов, например, оппозиций: соборный — авторитарный идеал. 10) Уровень творческого потенциала, который в первом приближении мог бы быть измерен масштабом приемлемых, освоенных новшеств и шагом их новизны...¹

Как отмечалось, психологи в последнее время стали проявлять активность в освоении феномена менталитета. Е. А. Климов дает следующее определение: «Менталитет, ментальность (от лат. — ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества. Ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания; в этом смысле она представляет собой специфический тип мышления... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность — то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение»².

Психолог М. И. Воловикова дает следующее определение: «В обобщенном виде менталитет означает совокупность знаний, представлений, идеологии, принятых норм, ценностных предпочтений, основных национальных и этнических характеристик. Как правило, слово «менталитет» употребляется для обозначения некоторого единства умонастроений, традиций и сте-

¹ См.: Зорин В. Евразийская мудрость от «А» до «Я». Толковый словарь. Алматы, 2002.

² Климов Е. А. Профессиональный менталитет и одна психологическая гипотеза// Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 399.

реотипов, привычных для жителей страны отношений и способов действия в связи с теми или иными ситуациями»¹.

«Самую главную черту российской психологии (менталитета — А. К.), — писала К. А. Абульханова, — всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни»².

Б. А. Душков: «Ментальность, менталитет — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-то сообщества»³.

Далее автор присовокупляет: «...менталитет, по нашему мнению, — сложная многоуровневая и многомерная система образов и представлений архетипов сознания, обнаруживающихся в видах жизнедеятельности личности, социумов и детерминируемых этноестественно-историческими процессами»⁴.

М. И. Еникеев в «Психологическом энциклопедическом словаре» пишет: «Менталитет — особенность склада ума, умонастроение (националистическое, либеральное, консервативное, прогрессивное, маргинальное и т. п.). Отражает уровень сознания и интеллекта его носителей»⁵.

Целостная концепция ментального восприятия, к которому движется человечество в XXI в., интересует, в первую очередь, психологов. Кто-то из них углубляется в сферу архетипического, кто-то психофизиологического, а кто-то, как, например, профессор Б. А. Душков⁶, разрабатывает взаимосвязи психосоциологии менталитета и нооменталитета. Он считает, что ноопсихосоциология становится высшим типом управляющей целостности, для которого характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и социально-экономическими законами общества. Отличие исследования ментальных процессов, проведенное Б. А. Душковым, от аналогичных иссле-

¹ Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 13.

² Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 7–8.

³ Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2007. С. 239.

⁶ Душков Б. А.: Виды и типы психогенеза личности (1995); Ноопсихология и ноосоциология народов (2000); Ноопсихология народов и эпох (2001); Основы этнопсихологии и ноопсихологии (2001); Психология типов личности, народов и эпох (2001).

дований в области проблем психологии народов (В. Вундт, Г. Лебон и др.), психологии толпы (С. Московичи, Г. Тард и др.) заключается в том, что «в основу своей классификации он положил не отдельные ментальные функции (процессы, свойства и состояния людей: чувства, мышление, язык и пр.), а виды социопсихогенеза и ноосоциопсихогенеза, которые сформировались в ходе биогенетического, онтогенетического, филогенетического, социогенетического и ноосоциогенетического развития эпох, социумов и личностей, и в полной мере отражают их менталитет»¹.

Солидное исследование такой грани менталитета как развитие способностей посвятил В. Д. Шадриков².

Под ментальным развитием В. Д. Шадриков понимает, «прежде всего, умственное развитие, а также изменения в образе мыслей, совокупности умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе»³.

В этой работе автор выдвигает положение о том, что внутренний мир человека — особого рода потребностно-эмоциональная субстанция, обеспечивающая сохранение и тождество личности в процессах ее изменения и развития.

Центральное место в монографии отводится обсуждению проблемы ментального развития человека. Ментальное развитие автор связывает в первую очередь с развитием способностей и проходит в нескольких направлениях: созревание функциональных систем, свойством которых выступают способности; научение интеллектуальным операциям; произвольное управление собственными способностями; оперативное приспособление к условиям деятельности; постановка способностей под контроль нравственных устоев личности.

В. Д. Шадриков самокритично оценивает проведенное исследование. Оно показывает, на его взгляд, «ограниченность используемых в настоящее время процедур диагностики уровня развития ментальных качеств человека, так как в этих процедурах не затрагиваются схемы, планы и программы использования интеллектуальных операций, программы обработки данных, решающие правила, критерии предпочтительности, достижения цели и т. д. ...»⁴.

На ментальное новообразование постнеклассической рациональности — сверхрефлексивность (обыгрывая семантику Дж. Келли: рефлексивная

¹ Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 5.

² См.: Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. М., 2009.

³ Там же. С. 526.

⁴ Там же. С. 616.

сложность), т. е. способность критического самоосмысления в меняющихся исследовательских контекстах указывает М. С. Гусельцева¹. Это утверждение противоречит расхожему мнению в психологической науке о том, что механизм установки, сложившейся помимо воли человека, действует на бессознательном уровне. Именно поэтому менталитет не дает возможности субъекту осуществлять рефлекссию. «Носитель его пребывает в убеждении, что он сам сформировал свои убеждения и взгляды»².

В. Е. Семенов, автор концепции полиментальности, выделяет «коллективистско-социалистический», «индивидуалистско-прозападный», «криминально-мафиозный», «мозаично-эkleктический псевдоменталитет» и «православно-русский менталитет»³.

Будучи несистематизированным духовно-нравственным образованием, менталитет имеет потребность в упорядочивании. В. Мак-Дугал усматривал 5 условий реструктуризации этого феномена. Во-первых, необходима известная степень постоянства состава менталитета. Во-вторых, требуется, чтобы отдельные индивиды составили себе определенное представление о природе, функциях, достижениях и требованиях менталитета. В-третьих, чтобы менталитет вступил в конкурентные отношения с другими сходными, но в чем-то и отличными общностями. В-четвертых, желательна наличие в менталитете традиций, обычаев и норм отношений. В-пятых, наличие в менталитете «подразделений», то есть введение специализации и дифференциации деятельности⁴.

Не столь важно, как оценивается само понятие «менталитет», важнее всего то, что оно существует как реальность, оказывающее воздействие на духовно — культурное пространство. Если продолжить и персонифицировать эту мысль, то следует подчеркнуть, что неважно что, а важно как, важно — кто (Томас Манн). Историю творят люди. Но какие? Прежде всего, наделенные волей, сознанием, целеполаганием. Если бы не было гениев и талантов, то их надо было бы выдумать. Роль личности в истории видна, прежде всего, через их деятельность, их идеи (реализованные и отложенные в виду того, что кажутся утопическими). Люди сверходаренные, в их числе и гении видят цели, закрытые дымкой времени для современников.

¹ См.: Гусельцова М. С. Указ. соч. С. 27.

² Климов Е. А. Профессиональный менталитет и одна психозекологическая гипотеза // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 396.

³ См.: Семенов В. Е. (руководитель авторского коллектива). Положение молодежи Санкт-Петербурга. Ежегодный доклад. СПб. : НИИ Комплексных социальных исследований СПбГУ, 2002. С. 20.

⁴ См.: Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М. ; Екатеринбург, 2002. С. 277.

Примечательны суждения Ч. Ломброзо о различиях гениев и талантов. В книге «Гениальность и помешательство» он писал: «...оригинальность и является именно тем качеством, которое резко отличает гения от таланта. Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения — уже совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек — это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже не видно для нас...»¹.

Ментальность как данность, хотя и феномен меняющийся в пространстве и времени (единство которых представляет такое понятие, как «хроно-топ»), но перемены в нем происходят не так быстро, не так революционно, как это видится поначалу. Ментальность не всегда детерминирована существующими социальным строем и производственными отношениями. Цивилизационно-ментальное ядро как глубинная ипостась индивида окружена плотным слоем культуры, эдаким панцирем, которая спасает в конечном счете это ядро от конъюнктурных, враждебных вторжений. И это не абсолютное, раз и навсегда данная благодать. Бывают времена, когда этот панцирь — культурно-защитное устройство получает значительные пробоины, страдает от действия inferнальных сил. Кажется, всё — пришел конец существованию этого глубинного ментального ядра. Но это раны, нанесенные культуре, «духу» затягиваются, как ряска в пруду. Срабатывают психофизиологические, культурно-охранительные и, видимо, какие-то иные механизмы устойчивого сохранения ментальности как амбивалентной системы. Крупные исторические повороты, войны, революции, «смуты», «неустроения», как показывают дальнейшие события (реставрации, контрреформы, откаты, волны и т. д.) обнажают накопившийся менталитет. По прошествии времени, казалось бы, отвергнутые ментальные конструкции (при этом появляются различного рода «новоязы») вновь «раскрывают крылья» и берут в плен ниспровергателей, революционеров, которые начинают приспособлять свои умонастроения и поведение в соответствии с ментальными установками и архетипами подсознания.

Порой, кажется, на авансцене истории появятся новые люди, с новыми идеями, новыми взглядами на жизнь. «Новые времена — новые песни». И «да» и «нет». «Да»: приходят к жизни новые поколения, которые по-новому (примерно через 20 лет) подходят к преобразованию мира, отсюда психологический разрыв поколений. И «нет» тоже имеет свою логику, объяснение. В том и дело, что не всякое историческое время порождает принципиально новые, соответствующие ему ментальности. Эти ментальности имеют особен-

¹ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство // Синдром гения. М., 2009. С. 12.

ность сохраняться значительно дольше, нежели породившие их реальности. Менталитет не стоит путать с общественным мнением, которое носит временный, гибкий характер. В то же время нельзя его идентифицировать с архетипическим наследством отдельных индивидов и групп населения, хотя и просматривается органическая связь с бессознательным. Менталитет оказывает, безусловно, воздействие на формирование картины мира, перекидывает мост от аналитического мышления к иррациональным формам сознания.

Менталитет нельзя отождествлять с процессом национальной самоидентификации (как результатом «работы» национального самосознания). Менталитет, по мнению Д. В. Полежаева, «не следует рассматривать как то, что народ сам о себе думает, хотя отдельные моменты национального самосознания, несомненно, присутствуют в менталитете»¹.

По оценке Д. В. Ольшанского, разрушение менталитета приводит к аномии, которая в свою очередь отражается на девиантном поведении и острых психологических кризисах членов общности².

О нетерпеливом желании «вестернизаторов» поскорее переделать наш менталитет указывал известный философ А. С. Панарин. При этом он замечал, что они то и дело сетуют «на консерватизм российского массового сознания, сопротивляющегося благонамеренному реформаторству»³.

Если рассматривать менталитет не только в научном дискурсе, а в конкретно-практическом, то следует подчеркнуть, что нынешние реформы в России (а их около 10: военная, административная, здравоохранения, народного образования и т. д.) не идут, топчутся на месте, в первую очередь потому, что «реформаторы» не учитывают менталитет нашего народа, не опираются на социокультурные традиции.

В печати (философской, психологической, исторической, общественно-политической и т. д.) активно обсуждаются вопросы природы и изменений российского менталитета, его влияния на культуру, вычленения ведущих ценностных ориентаций и характеристик российского менталитета. Так, говоря об общественном резонансе обозначенной проблемы, укажем что «Независимая газета» совместно с радиостанцией «Эхо Москвы» и Министерством регионального развития РФ ведет проект «Народов много, страна одна», а радиостанция «Россия» вместе с Институтом этнографии и этнологии РАН — «Русские в XXI в.»? Конечно, привлечение внимания к формированию гражданской и этнической идентичности населения России (русские составляют 80 % его состава) в отечественных СМИ очень важно по большому сче-

¹ Полежаев Д. В. Указ. соч. С. 119.

² Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. С. 279.

³ Панарин А. С. Процессы модернизации и менталитет // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 355.

ту. Но «Платон мне друг, но истина дороже». Фигуранты современного политического процесса, отдавая дань вещам важным, но уже «заболтанным», как, например, модернизация, пытаются играть роль оракулов.

Так, руководитель Института современного развития (ИнСоР) Игорь Юргенс считает, что основными помехами для ее решения стала незаинтересованность большинства элит, а также архаичность российского народа, который не раньше 2025 г. окажется «ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем». Безразличие населения к инновациям, а также низкую гражданскую активность глава ИнСоРа объясняет патернализмом, а также «слабой распространенностью городской урбанистической культуры». По его мысли, российскую общность и архаику можно преодолеть в конце первой четверти XXI в¹. При этом он использует метод экстраполяции, которая не затрагивает глубинной психологии, ментальных характеристик народа. Прогностические расчеты известный либерал основывает на замерах общественного мнения отношения россиян к модернизации, которое, как известно, носит кратковременный, а то и конъюнктурный характер. Менталитет как социокультурное явление требует комплексного исследования, опирающегося как на сознательные, так и в первую очередь на «коллективные бессознательные» (К. Юнг) механизмы, выявление архетипических пластов, обращение к понятию «Космо-Психо-Логос» (Г. Д. Гачев) как к структуре национального целого. По его мнению, «подобно тому, как каждое существо: тело, душа, дух — так и национальная целостность есть единство национальной природы (Космос) и национального характера народа (Психо) и склада мышления (Логос)»².

Менталитет как духовная субстанция не существует в безвоздушном пространстве, он локализуется, функционирует в рамках конкретного отдельного этноса. Влияние этнического фактора (этнической самоидентификации) на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, на социальное поведение как отдельного индивида, так и группы настолько велико, что можно говорить об этноменталитете. Этноменталитет проявляется в образе той или иной страны и населяющего его народа (народов), в национальном характере, национальной идее и т. д.

Прослеживается корреляционная связь между менталитетом как комплексом духовно-политических глубинных отношений, так и идентичностью. Имеющаяся налицо в стране идентичность «россияне», по выводам отечественных социологов, ни в коей мере не отменяет, а скорее дополняет прису-

¹ См.: Сергеев М., Куликов С. В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. 2010. 16 сентября.

² Гачев Г. Д. Ментальность как национальный космопсихологос // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета нооменталитета. С. 343.

щие гражданам России другие идентичности (региональную, этническую, религиозную, социальную и т. д.).

Что касается региональной идентичности, то граждане связывают себя с «малой родиной», с местом, где он родился и проживает. По данным Института социологии РАН, региональная идентичность сложное понятие. Оно включает в себя и интересы, и людей, которые живут там, представляя определенную общность, причем представления об этой общности очень сильно дифференцированы. Образовались отличия между сибиряком и россиянином, например.

Результаты проведенных в 2008 г. при поддержке Минрегиона России социологических опросов показывают, что масштабы распространения региональной идентичности существенно различаются по субъектам Российской Федерации. Первая группа регионов связана с гражданами, которые считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48 %) и практически столько же опрошенных в Якутске (43 %). В этих городах зафиксировано наименьшее количество тех, кто считает, что его родина Россия. В Грозном — только 14,3 %, в Якутске — 17,1 %. Вторая группа регионов, выделенная по результатам опроса, отличается тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, кто не признает в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию, — больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы¹.

Ментальности, как и мироориентационные чувства, ощущения и представления, проявляют себя в особом мировидении и поведении людей. К примеру, в конце концов, русского делает русским его ментальность, т. е. русскость русского проявляется через его ментальные установки и стереотипы, которые, как и у любого народа России, медленно меняются в сторону европеизации. Можно заставить народ принять чужую идеологию, но ментальность — нет. Она как особый стиль мышления, как особая правда народа по природе прогрессивно-консервативна, т. е. она медленно отбирает из опыта этноса жизнеспособное, апробированное (опыт, доставшийся ей кровью и потом) и аккумулирует их у себя в виде народной мудрости².

¹ См.: Региональная идентичность с точки зрения социологов // Независимая газета. 2010. 10 сентября.

² См.: Шенкао М. А. Слово об этноменталитете // Вестник Российского философского общества. 2010. № 1. С. 117.

В социогуманитарном знании практически произошло стирание границ между психологией, социологией, историей, культурологией, семиотикой. Наиболее плодотворными являются психологический, философский, антропологический подходы, что дает основание рассматривать менталитет как синкретический показатель человеческого восприятия, представления, отношения и действия; это совокупность стереотипов мышления и поведения, исторически и культурно обусловленных, закрепленных в сознании людей в процессе общения.

Важной научной проблемой является выяснение специфики российского приобщения к цивилизации и роли в этом русской ментальности. К этой проблеме обратились как культурологи, так и философы, историки. В частности, через призму историософии В. К. Кантор рассмотрел в своей монографии «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации»¹ такие вопросы, как отношение России к Западу; противостояние стихийных элементов элементам цивилизационно организующим; фактор насилия, всегда служившего провокацией цивилизованных срывов в России; несложившийся цивилизованный механизм смены поколений; тип национальной ментальности и т. д.

Рассуждая о ментальности русских, автор пришел к выводу о том, что в нашей ментальности получила преобладание «прихоть, свойственная скорее детям, не обладающим представлением о мире и обществе как сложном организме, подчиненном определенным законам»².

В конечном счёте, В. К. Кантор приходит к заключению, что существующий тип национальной ментальности, работа из-под палки не могут вывести Россию на европейский путь развития, что он не знает, как создать такую «почву», на которой будет «произрастать» свободный человек, умеющий уважать другого, способный к самодостаточности³.

В противоположность этой точке зрения А. С. Панарин, автор книги-размышления «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке» утверждает, что самобытные культурные традиции России, выстраданный ею опыт модернизации позволяет нашей стране вынести творческий, новаторский вклад в решение мировых проблем⁴.

Исследователь опроверг утверждение, характерное как для западных, так и отечественных ученых о том, что «крестный путь России — это расплата за ее неправильное, «несовременное» поведение, за темноту и невежество,

¹ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997.

² Кантор В. К. Указ. соч. С. 136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

за отсталую «ментальность». А. С. Панарин верит в творческие силы российской культуры, в ее способность найти конструктивный ответ на беспрецедентные вызовы нашей эпохи. Но для этого требуется, по его мнению, чтобы нынешняя разорванность двух социокультурных полюсов — народа и элиты — была, наконец, преодолена, «чтобы пространственное чувство народа и историческое чувство интеллигенции спаялись воедино. Тогда наш национальный проект будущего станет конкурентоспособным на рынке мировых альтернативных проектов современной переходной эпохи»¹.

Задолго до появления термина «менталитет» русские отечественные мыслители сосредоточили внимание на рассмотрении «русской души», на ее истоках, структуре, на различных сторонах русского национального характера. Среди них Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов, И. А. Ильин, П. А. Сорокин, Л. П. Карсавин и др.

В отечественной историографии к истории ментальностей обратились прежде всего медиевисты, изучавшие историю западноевропейской культуры².

В последние годы усилился интерес к изучению российского (советского) менталитета как в центре, так и на местах. Не в последнюю очередь это связано с поиском ответов на вопросы о выборе путей и перспектив развития постсоветской России, с формированием государственной объединительной идеологии, концепции национальной безопасности, определения сфер национальных приоритетов и ценностей. В современных условиях необычайно возрос интерес к духовной жизни российского общества, к истокам русского национального характера, национального этнического самосознания, самосознания языкового, религиозного и т. д. Поиск в этом направлении включает в себя и освоение самобытного наследия русских мыслителей, и изучение широкого круга трудов зарубежных исследователей по вопросам внутренней жизни человека, поиска ее смысла, самопознания³.

¹ Панарин А. С. Указ. соч. С. 16.

² См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Его же. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном... М., 1993; Гуревич А., Вовель М., Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989; Бессмертный Ю. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. Человек в истории. М., 1991; История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996 и др.

³ См.: Смирнова Н. Н. Интеллигентское сознание как предтеча тоталитарного менталитета // Полис. 1993. № 4; Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4; Зубкова Е. Ю., Куприянова А. И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7; Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4; Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3; Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.,

Многогранность российского менталитета, его теоретические аспекты, связь национального менталитета с верованиями, представлениями и ожиданиями, менталитетность как психосоциальная реальность, специфика и структура сознания больших групп населения, основные ценности, жизненные цели, социальные установки как составляющие массового и индивидуального сознания, изменчивость исторических форм сознания, соотношение сознательного и бессознательного — все это привлекло внимание представителей психологической науки¹.

История ментальностей стала предметом обсуждения на «круглых столах» и конференциях².

Существенный вклад в разработку вопросов российского (советского) менталитета внес А. И. Шаповалов, опубликовавший несколько монографий³, и защитивший докторскую диссертацию по данной проблеме⁴.

Автор, можно сказать, впервые в отечественной историографии приступил к рассмотрению истории российских ментальностей в их советском варианте. Советский период отечественной истории является превращенной формой исторического бытия, а не «черной дырой», в которую канули традиции, обычаи, национальный характер и культура этого периода. В этом аспекте труды А. И. Шаповалова восполняют тот пробел в современной отечественной историографии, который образовался в последние годы в отношении к духовной культуре, умонастроений советского периода. Автор ввел в научный оборот ряд документов, которые, например, позволили рассмотреть проблемы политического и идеологического конформизма и нонконформизма.

С помощью герменевтического анализа опубликованных и неопубликованных текстов выявлены тенденции в эволюции умонастроений людей на

1996; Иванов В. Н. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-политический журнал. 1998. № 2 и др.

¹ См.: Российский менталитет: Психология личностей, сознание, социальные представления. М., 1996; Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М., 1997; Ментальность россиян: Специфика сознания больших групп населения России. М., 1997.

² См.: Спор о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.; Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1; Менталитет и аграрное развитие России в XIX-XX вв. Международная конференция в Москве // Отечественная история. 1996. № 1; Социально-психологические проблемы ментальности: Материалы научн. конференции. Смоленск, 1996; Советский менталитет: история и тенденции развития. Материалы научн. конференции. Вып. 1–3. Армавир, 1994; Советский менталитет: проблемы методологии исследования. Материалы научн. конференции. Армавир, 1995 и др.

³ Шаповалов А. И. Феномен советской политической культуры: ментальные признаки, источники формирования и развития, М., 1997; История ментальностей, проблемы методологии, М., 1996; Советский менталитет: социальные этюды. Армавир, 1995.

⁴ См.: Шаповалов А. И. Феномен советской политической культуры: основные этапы становления и развития ментальных признаков : Диссертация. М., 1998.

различных этапах истории советского общества. Особое внимание исследователь обратил внимание на период 60–80-х гг., т. е. на период начавшегося распада советской политической системы. Опираясь на достижения европейской и отечественной историографии в области исторической антропологии, он создал собственную концепцию изучения ментальностей. Не случайно в течение ряда лет в Армавирском государственном пединституте, где работает А. И. Шаповалов, действует лаборатория по изучению советских ментальностей, проведен ряд всероссийских, региональных и межвузовских научных конференций. В рамках деятельности лаборатории историком и культурологом А. И. Шаповаловым разработана методология и методики исследования такого феномена, каким являются российско-советские ментальности. Автор продемонстрировал научную смелость замысла, связанную с «вхождением» в предметное поле ряда гуманитарных и социальных наук: философии, культурологии, политологии, социальной психологии и др. Избрав для изучения чрезвычайно сложную и закрытую ранее проблему взаимосвязи типа политической культуры с типом мироотношения, умонастроений — феноменами не явными, но реально существующими, исследователь успешно реализовал принцип системности исследования, основанный на междисциплинарном подходе к историческому познанию.

А. И. Шаповалов попытался снять проблему дихотомии формационного и цивилизационного подходов через использование системной оценки исторической реальности, инструментария нарождающегося социально-гуманитарного знания, исторической энергетике, исторической антропологии и т. д. Ментальная среда, по мнению автора, органически связана с архетипами общественного сознания, коллективным бессознательным, поэтому и советские ментальности несут в себе элементы мифологизированных первообразов русской культуры.

А. И. Шаповалов стремится к цельности аргументации, именно этим обстоятельством можно объяснить обращение к такой категории, как «историческая система». Известно, что в целом ряде социально-гуманитарных наук данная категория используется как рабочее понятие. В гражданской истории, истории психологии она только начинает осваиваться. Автор дает собственную трактовку этой категории, рассматривает строение российской исторической системы, выделяя ее ядро, основные формообразования и защитный пояс. Изучая труды русских мыслителей о биполярности и полицентричности российского национального характера (например, Н. А. Бердяева), он сделал вывод о бинарном устройстве российской и советской исторической системы.

Большой интерес представляет предлагаемая ученым модель «генеральной идеи» — концепта — судьба России, которая реализуется через ос-

новые направления умонастроений, течения общественной мысли, ментальной ориентации, названные автором «партиями должного и реального».

Вместе с тем, раскрывая концепт советских ментальностей, А. И. Шаповалов, на мой взгляд, выделил лишь то, что связано с анархическими, революционными, разрушительными архетипами и традициями русского народа. Вне поля зрения исследователя остались огромные пласты сознательного и «коллективного бессознательного» (Юнг) российского менталитета, ориентированного на православие как базовый духовно-нравственный принцип. Помимо революционно-социалистического направления в общественной мысли России (Н. Г. Чернышевский, народовольцы, В. И. Ленин, большевики), существовало религиозно-эволюционное (Н. Бердяев, Н. Федоров, Л. Тихомиров). Последние оказывали (да и сейчас оказывают) влияние на умонастроения современных россиян.

На смену менталитету Нового времени пришел так называемый модернизм. Наш раздираемый противоречиями век столкнулся с кризисом европейского рационализма. Упорядоченная модель сократовско-декартовской машинной цивилизации, абсолютно императивные предписания христианской морали, принцип различения явлений, в том числе объекта и субъекта — все эти ментальные средства оказались недостаточными для решения задач нарождающегося информационного, постиндустриального общества.

После 1991 г. ряд ученых стал рассматривать развал коммунизма как конец модернизма. На смену пришел постмодернизм с отрицанием эпистемологических основ, неоспоримых теоретических посылок и закономерностей¹.

Он пришел в теорию и методологию, если хотите, в эстетику истории, историческую психологию. Постмодернистское сознание не хочет ни точек отсчета, ни правил игры, ни иерархии ценностей, ни оправдания будущим. Более того, оно жаждет пустить в онаученный мир тайну, мистическое. Отсюда массовое появления новых религиозных сект и культов².

О «коррупции сознания» и вовлеченности интеллекта в «вязкое болото иррациональности», об «иррационалистической эпидемии», стремящейся заменить «идеал упорядоченного мышления... конвульсивным, интуитивным, эмоциональным мышлением» писал неоднократно во второй половине 30-х гг. прошлого века Р. Дж. Коллингвуд³.

¹ См.: Шукин Н. Н. Проблема бессознательного в метанаучном контексте // Сознательное и бессознательное в социально-политических процессах современного российского общества. М., 1997. С. 93–94.

² См.: Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 154.

³ См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 429, 431.

Уже с конца 90-х гг. XX в. отмечены качественные сдвиги в размывании ранее устойчивых традиционных для России ценностных установок советского менталитета. Ценности духовно-нравственного характера, всегда преобладавшие в российском менталитете, начали вытесняться ценностями сугубо материального, прагматического характера¹.

В этой связи возникают вопросы: не начался ли слом цивилизационной матрицы?² Не происходит ли замена цивилизационного (евразийского) кода на западнистический, исчерпала ли себя советская ментальность?

Обращает на себя внимание факт исчезновения понятия «русскость» как основы единства русского мира, стержня русской ментальности из лексикона российских должностных лиц. «Даже слово «русский» почти полностью изъято из внешнеполитической риторики властей России и диаспоральной деятельности государства», — говорится в проекте «Обращения русских соотечественников Прибалтики к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу». Единственной организацией, которая, по мнению соотечественников, придерживается именно «русскости», является Православная церковь. РПЦ официально употребляет термин «русский» и признает существование русской идентичности и русской цивилизационной формации. Как известно, впервые попытался заменить понятие «советский человек» россиянином был Б. Н. Ельцин, однако это не повысило уровень русской идентичности, не упрочило положения русских как титульной нации³.

Следует, видимо, разобраться, кого же в первую очередь затронули указанные сдвиги. Для этого важно обратиться к различным возрастным группам населения, в частности, к молодежи.

Как показали социологические исследования, в первой половине 90-х гг. отход от существовавшей советской модели и в то же время аморфность идеалов, контуров нового уклада в определенном смысле привели к кризису ценностей. Кризис ценностей, их деформация более всего отразились на молодежи⁴.

Проводимые реформы обострили процессы и самоопределения. Молодежь вынуждена осваивать новый социальный опыт быстрее, чем старшие поколения, приспосабливаться к условиям рынка, самостоятельно добывать

¹ См.: Российское общество и современный политический процесс: Опыт политолого-социологического анализа: Аналитический доклад. М., 1997. С.51-52.

² Под цивилизационной матрицей мы понимаем доминантный интеграл социальной, экономической и культурной сферы бытия данной цивилизации. См.: Леонова О. Г., Россия и мир в XXI веке // Россия и мир в XXI веке. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 4. М., 2010. С. 56.

³ См.: Никифоров О. Н. «Русскость» как лозунг современности. Кто возьмется за решение проблемы русской идентичности в России // Независимая газета. 2011. 13 января.

⁴ См.: Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб., 2004.

средства существования. Современное молодое поколение в своей основной массе дилемму «рынок — антирынок» решило в пользу рынка. Против рыночной экономики высказалось от 10 до 13 % опрошенных.

Происходит формирование ценностей нового рыночного общества, среди которых одной из главных являются деньги. Решающим при выборе места работы является большая зарплата. На это указывают 65 % молодых людей. На задний план отступают престижная работа, комфортные условия труда, свободный режим работы. Произошла трансформация взглядов молодых людей на способы добывания денег. Так, каждый третий респондент считает нормальным заниматься перепродажей (что называлось спекуляцией). Каждый второй считает в порядке вещей добыть деньги хитростью, взять силой — каждый пятый¹.

Нельзя не обратить внимания на криминализацию сознания молодежи. Хотели бы не платить налоги 25 % опрошенных, работать в сомнительной фирме 12 %. В наши дни вестернизация и криминализации накладывается на анархические, уголовные российские традиции. Кроме того, следует иметь в виду, что российское общество вступило в полосу социальной патологии, погрузилось в сферу «сознательного бессознательного» (Э. Фромм).

Авторы фундаментального труда о современной молодежи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги приходят к выводу, что главное социальное противоречие нынешнего российского общества глазами молодежи (равно как и представителей среднего и старшего поколений) — это противоречие между богатыми и бедными. Молодежь не гиперболизирует противоречия между поколениями, в результате чего 80 % не считают такие противоречия актуальными в нынешней ситуации. Молодые люди не считают актуальной проблему религиозного противостояния, в частности, между православием и исламом. В сознании примерно пятой части молодежи имеют место межэтнические противоречия, прежде всего, между русскими и нерусскими, которые в ее мнении трансформируются в противоречие между местными и приезжими. Однако для 90 % молодежи констатация этого факта не свидетельствует о наличии установок на активные формы протеста. В случае ухудшения условия жизни в России намерены включиться в социальные протесты 5 % молодежи. Примерно 15 % молодежи настроены терпеть до разрешения экономических проблем.

По мнению авторитетных социологов, к политическим протестам склонны школьники, студенты вузов, рабочие, предприниматели, работники

¹ См.: Молодежная политика. 1997. № 141–142. С. 6–10.

сельского хозяйства, но их немного. Основные установки молодежи России в условиях ухудшения жизненной ситуации в России — работать и ждать¹.

Надо всегда помнить, что, изучая реальность (менталитет как составная и внушительная часть психолого-, а точнее социогуманитарного знания), мы пытаемся уложить ее в прокрустово ложе теоретического построения. Но, тем не менее, изучая сущность, структуру и направленность менталитета с помощью чувственного познания и придавая большое значение ощущениям, можно выявить те качества, которые одновременно присущи всем народам, входящим в мировое сообщество, так и качества, только присущие отдельным его частям.

Подобно тому, человек как существо рациональное членит время, текущее бесконечно, на секунды, минуты, часы, месяцы, годы и т. д., так его разум, по справедливому замечанию Е. А. Климова, делает «стоп-кадры» действительности, выхватывая из процесса устойчивые предметы рассмотрения, условные целостности, «гештальты», «кванты», которые, в частности, порождают и некоторое необходимое человеку сознание относительно устойчивой «Среды объемлющих систем»².

Далее известный психолог указывает на амбивалентность познания, на тот факт, что творчески ориентированный интеллект постоянно преодолевает, переделывает ранее созданные стереотипы представлений, «акцентирует не «стопкадровую», а «фильмовую» природу реальности, порождая вместе с тем и не всегда приятные переживания нестабильности мира...»³

Что касается отечественной философско-культурологической и психологической традиции, можно определенно говорить о недостаточной разработанности таких категорий, как национальная самоидентификация, национальное самосознание, русскость, национальный характер, национальная идея и т. п.⁴

Академик Н. И. Конрад писал: «Каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через всю их историю. История человечества не какой-то безликий процесс: она очень конкретна и слагается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как

¹ См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010, С. 99-100, 165.

² Климов Е.А. Профессиональный менталитет и одна психозекологическая гипотеза // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 384.

³ Там же.

⁴ См.: Садков С. М. Менталитет российской деловой элиты в конце XIX — начале XX вв. : философско-культурологический анализ. М., 2001. С. 7.

часто смысл исторических событий, составляющий, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»¹.

В декабре 2006 г. Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» — положительно ответили 15 %.

Большинство, 70 % опрошенных, выбрали ответ «Россия принадлежит особой («евразийской» или «православно-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит»².

Если каждый человек неповторим и имеет свои особенности, уникальные отпечатки пальцев, склад психики, ума, то тем более каждый народ имеет «свою особенность», склад души, чувств, словом, менталитет.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1974. С. 296.

² Седов Л. Запад внутри нас // Независимая газета. 2006. 22 декабря.

Глава 2

Образ России глазами иностранцев

Образ России — при всей очевидности — практически неразработанная тема, ждущая своих исследователей. Предшественники, представители различных сторон гуманитарного знания оставили определенные наработки, раскрывающие содержание и структуру указанного понятия. Так, по В. Далю, образ — это «вид, внешность, фигура, очертанье¹».

Толковый словарь С. Ожегова определяет его как «живое, наглядное представление о ком, чем-нибудь²». Словарь сочетаемости слов русского языка рассматривает образ как «облик кого-либо, представляющийся чьему-либо воображению, возникающий в чьей-либо памяти: то, что рисуется, представляется внутреннему взору, воображению кого-либо³».

Образ в философии — результат отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления — понятия, суждения и умозаключения⁴.

Следует отметить, что первые шаги в теории распознавания образов делает семиотика, используя различные языки, в том числе машинные. Нетрудно заметить, что на последних определениях лежит печать психологических изысканий и это не случайно: психологическая наука оказалась самой «продвинутой» в изучении понятия «образ». Психологи рассматривают образ как субъективный феномен, возникающий в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной, мыслительной деятельности, представляющий собой целостное интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, движение, цвет, форма, фактура и т. д.). В образе осознается в первую очередь предметное содержание, соответствующее смысловой стороне стоящей перед субъектом задачи⁵.

В образе может быть зафиксировано одновременное видение предмета с нескольких точек зрения. В образном мышлении используются различные приемы. К их числу относятся: увеличение или уменьшение объекта или его частей, агглютинации (создание новых представлений путем присоединения

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка : в 4 тт. М., 1956. Т. 2. С. 614.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 328.

³ Словарь сочетаемости слов русского языка. Изд. 2-е, исп. М., 1983. С. 326.

⁴ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 446.

⁵ См. Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М., 1983. С. 223.

в образном плане частей или свойств одного объекта к другому), включение имеющихся образов в новый контекст, обобщение¹.

По мнению К. К. Платонова, различают образы: элементарные (ощущений), свойственные и животным, и сложные — идеальные (восприятий и понятий), свойственные только человеку; опосредованные (описанием, чтением не только текста, но и приборов) и следовые (памяти); статичные и динамичные; самостоятельные и включенные в другие психологические явления (мышление, волевые действия)².

Особо следует обратить внимание на следовые формы психического отражения, развивающиеся на основе генетической и физиологической памяти как запоминание, сохранение и последующее объективное и субъективное воспроизведение и узнавание ранее воспринятого, пережитого и сделанного³.

На наш взгляд, весьма плодотворной для разработки проблемы «Образ России в общественном (историческом) сознании иностранцев» может оказаться теория гештальта (нем Gestalt-форма, образ, структура). Гештальты — высокоразвитые структуры сознания, целостные образования, чьи существенные свойства нельзя понять путем суммирования свойств и частей, т. к. вне последних имеют место еще гештальт-качества самих этих образований⁴.

Так, образ России, образы русских складывались у иностранцев через гештальт-качества (структуры, свойства, сущность). Следует учитывать, что познание (освоение) других («иных»), через отношение «я» и «ты», имеющие структуры напряжения, притяжения, отталкивания, порывы, побуждения и т. п. Большую роль в формировании образа других играет архетип сознания «они» и «мы». Социально-исторические (психологические) образы уходят своими корнями в глубокую древность, поддерживаются и транслируются в современность, опосредуясь социокультурными, национальными и религиозными традициями. С помощью образов происходит восстановление (воспроизводство) самой ткани исторического познания общества с его историей, преданиями, мифами, символами, памятниками.

Как известно, в последнее время широко используются методы точных наук для исследования гуманитарных вопросов. Что же касается темы «образы других», то применение математических методов, приемов формализации представляется проблематичным. Вот мнение известного математика, академика РАН, крупного специалиста по распознаванию образов Ю. И. Журавлева: «В этих областях трудно, — отмечает он, — строить формальные теории

¹ Там же. С. 224.

² См. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 77.

³ Там же. С. 88.

⁴ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 102–103.

и применять стандартные математические методы. В лучшем случае удастся дать математическое оформление некоторым интуитивным принципам и затем применить построение «эмпирического» формализма для решения специальных типов проблем»¹.

Действительно, непростое дело — воспроизведение на уровне общественного и индивидуального сознания ранее пережитых восприятий, исторически преходящих и глубинных представлений, а также обобщение социокультурной реальности, облеченной в форму конкретного, индивидуального явления.

Тем не менее, попытаемся наметить некоторые подходы к исторической реконструкции образа России в общественном сознании иностранцев на протяжении нескольких столетий. В связи с тем, что проблемы чрезвычайно сложны и многоаспектны, привлечены преимущественно материалы Германии, США, Англии, Франции, датируемые XVIII–XXI вв.

Образ России и русских в Европе формировался на протяжении десяти веков. В период Киевской Руси, ее распада населявшие ее люди рассматривались как часть единого христианского мира. После монголо-татарского ига европейцы заново открыли для себя Московское государство XV–XVII вв. Изоляция и самоизоляция сделали свое дело. Иностранцы, посетившие Московию, отметили разноречивые качества русских: пессимизм, неграмотность, забитость, пьянство, терпеливость, недоверие, хитрость и изворотливость, добродушие, несдержанность в проявлении чувств. По мере «открытия» России — ее образ и образ русских расширялся².

Изучение образа России в общественном сознании иностранцев предполагает выделение трех структурных уровней: верхний, основной и глубинный. К верхнему уровню можно отнести общественное мнение, которое носит изменчивый характер, относительно устойчиво и имеет сравнительно малое время жизни. Основной уровень является аналогом картины мира у отдельного человека. О нём говорят, как о парадигме. Этот термин характеризует установившуюся систему взглядов, мировоззрение общества в целом.

Парадигма имеет довольно устойчивый характер. Глубинный уровень более устойчив, чем парадигма. Он находит выражение в морали, идеалах, ценностях, в духовных традициях народов³.

Решение обозначенной проблемы включает в себя исследование таких вопросов, как историко-культурные предпосылки формирования образа Рос-

¹ Журавлев Ю. И. Избранные научные труды. М., 1998. С. 231.

² См.: Егорова В. Н. Образ России и русских в Европе (X — начало XX в.). М., 2004. С. 116–118.

³ См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999. С. 24.

сии, развитие в ретроспективе этого образа у иностранцев и, наконец, механизма складывания и функционирования исторических и психологических стереотипов и представлений.

Что привлекало иностранцев в России? Какие факторы предопределили формирование образа нашей страны и населяющих ее народов? Прежде всего любопытство (отсюда путешественники), выгода (коммерсанты, предприниматели) и, конечно, необходимость знания того, что происходит в загадочной стране, исходя из утилитарно-прагматических целей зарубежных государств. Последнее обстоятельство предопределяло появление в России дипломатов, военных, разведчиков, специалистов.

Многие из тех, кто почитал Россию, оставляли живые свидетельства, правдивые и лживые. Краткие и безликие, эмоциональные и бесстрастные. Так или иначе они давали свою интерпретацию удивительного, отличного от их стран, если хотите, загадочного мира русской души жителей, населяющих северную Евразию. Среди них были и те, кто, повидав немало стран и народов, указывали на то, что ускользало от взгляда россиян.

Образ России глазами иностранцев формировался в процессе взаимодействия Запада и Востока XI — XX вв. Налицо неприятие католическим, протестантским Западом православного мира в рамках противоборства различных цивилизаций, отторжение культурно-исторической инакости. Срабатывал языческий архетип подсознания «свои — чужие»: они не такие, как мы, значит, потенциально, врожденно враждебные, агрессивные.

Взаимодействие с представителями других цивилизаций, культур не только способствует созданию образа чужака, не только воспроизводит архетип подсознания «они» и «мы», но и является средством самоутверждения, самопознания и освоения символических обозначений окружающего мира. Российская цивилизация сложилась при сильном влиянии татарских, византийских, западноевропейских традиций. Исходя из политических, этнонациональных, межрелигиозных особенностей в России образовалась своя социально-культурная система, свое миропонимание, духовно-нравственная культура.

Приняв христианство от Византии, Древнерусское государство стремилось к укреплению своих отношений с Западом. Даже разрыв Рима с Константинополем (1054) не создал непроходимой пропасти между Востоком и Западом. В повседневных отношениях русских христиан с западными по-прежнему проявлялись добрые чувства.

Все познается в сравнении! Если на Западе протестантская церковь, протестантская мораль культивировала, поддерживала, воспитывала индивидуализм как доминирующую черту характера, воспевала богатство, то на Ру-

си, в России Православная церковь — общинность, коллективизм, нестяжательство.

После изоляции Руси (России) от Европы, вызванной монголо-татарским игом, интерес к этой северной стране со стороны иностранцев был проявлен при Иване III. Они (купцы, воины-наемники и т. д.) стали заметными фигурами в Москве.

Первая так называемая Ново-Немецкая слобода появилась в Москве, на Яузе, в 1559 г. для выходцев из Ливонии (во время смуты она сгорела). В 1652 г. указом Алексея Михайловича для европейцев была выделенная особая Немецкая слобода, получившая в простонародье название «Кукуй» — по ручью Кокуй.

В слободе преобладали немцы (отсюда и пошло название), голландцы, жили купцы, военные, медики и мастера разных специальностей, получавшие «государево жалование».

Интерес к Западу проявился с XVII в., когда Россия вступила в стадию модернизации. В XVIII-XIX вв. образ Запада в умах российских правящих верхов становится более притягательным, он демифологизируется. Происходит постепенное преодоление идей о самоизоляции и самосохранения, обращение взгляда на культуру Запада как враждебную, сатанинскую. Экономические, социальные, культурные, оборонные, дипломатические (необходимо было международное признание Российского государства), другие нужды модернизирующейся страны потребовали привлечения широкого круга западных специалистов. Широкому их притоку способствовал царский манифест от 12 апреля 1702 г. Он приглашал европейцев не только на «государеву службу», но и попробовать себя в ремесленном деле¹.

Особенно много появилось военных, инженеров, ученых, медиков и т. д. в XVIII в. Например, на военную службу принимали европейских офицеров с условием понижения их на чин. Это было вызвано тем, что многочисленные русско-турецкие войны выбили значительную часть офицерства. В свое время Бонапарт Наполеон нанимался на русскую службу, но не прошел «собеседование» у чиновника по фамилии Прозоровский. Кто знает, как бы распорядилась судьба корсиканца в случае положительного решения вопроса?

При создании образа России надо учитывать и фактор страха, который Европа (а затем и Запад) испытывала к нашей стране. Складывалось негативное отношение к России из-за боязни поглощения Европы огромной евразийской державой. Она, как грозная туча, нависла над континентом, готовая

¹ См.: Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. М., 1999. С. 143–144.

вот-вот разразиться громом. Инстинктивный страх консервативного рассудка западного обывателя был замешан как на геополитических интересах Запада, так и социокультурных различиях, на стремлении противодействию российскому гегемонизму и на нескрываемой европейской экспансии. Так, разделы Польши в XVIII (3 раза), XX в. (1 раз), в которых участвовала Россия (СССР), вселяли суеверный страх, животный трепет к «москалям». Национальная польская память не может изжить такой факт глумления: во время третьего раздела при Екатерине II трон последнего короля был вывезен в Россию и превращен в нужник, на котором, судя молве, упокоилась великая императрица. Не случайно, как показывают социологические опросы, значительное число поляков со страхом относятся к действиям современной России.

В этой связи представляют интерес наблюдения А. И. Уткина о европейских, обуреваемых «фаустовским комплексом». На протяжении 400 лет Россия выступала военным, культурным форпостом на пути притязаний Европы на сходство. Она, как и другие великие страны — Китай, Индия, Япония, Оттоманская империя, встала в XVII в. перед суровой перспективой выстоять или подчиниться. Индия подчинилась примерно в 1750 г., Китай — столетием позже, Оттоманская империя — в 1818 г., Россия — в 1991 г. (?)¹.

Как справедливо отметил А. Н. Ерыгин, при характеристике самой западной цивилизации и ее способа мышления позволяет представить ее как развивающуюся целостность, которая и в своих циклах, и (потенциально) в целом, выражает себя в диалектике форм, жестко фиксирующей стилистику и смысловое содержание ментального поля западной цивилизации. Соотнесение с западным менталитетом любых других ментальных типов требует учитывать эту жесткую диалектику форм, характерную для европейского способа мышления².

Как правило, национальные стереотипы в массовом сознании выделяют в характере разных народов одну-две черты. Так, считают почему-то, что англичане сдержанны, даже чопорны, немцы пунктуальны, японцы трудолюбивы, шотландцы экономичны, даже скупость является не пороком, а добродетелью и т. д.

Рассмотрим, как складывался образ России на примере российско-германских отношений. При этом приходится учитывать не только внешнеполитические и внешнеэкономические коллизии, но, в первую очередь, и отношение немцев к русским.

¹ См.: Уткин А. И. Два народа. Россия и Запад // Независимая газета. 1993. 22 октября.

² См.: Ерыгин А. Н. Российский менталитет и феномен «западничества» в русской культуре // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 372–373.

Проблемы модернизации ставили перед Россией задачу привлечения значительного числа специалистов, в том числе из Германии. Много немцев работало при Петре I. В связи с присоединением к России прибалтийских провинций Петр I получил плеяду прекрасных управленцев из числа остзейских немцев. Из них впоследствии вышли от четверти до половины высших чиновников, генералов, адмиралов, например, Витте, Нессельроде, Дубельт, Ренненкампф и др.¹

Не случайно, что пунктуальность и основательность отмечена русскими как характерная черта немца, живущего и работающего в России. Образ Штольца как прекрасного управленца запечатлен в русской литературе XIX в. Вместе с тем, наш народный менталитет противился положительному образу немца-аккуратиста: «Что русскому здорово, то немцу — карачун, т. е. смерть».

Немцы, работающие в России, создавали положительный образ страны, принявшей их на службу. Также в целом положительно оценивали Россию и путешественники, дипломаты и государственные деятели. Они обращали внимание и на отличительные черты, и на несуразности. Так, «железный канцлер» Бисмарк сравнивал русских с ртутью, которая разделенная на части, стремится собраться воедино. Как-то гуляя по летнему саду в Петербурге, Бисмарк увидел часового, стоящего посреди лужайки неизвестно зачем. Часовой сам не знал, для чего он стоит тут. Ему так приказали. Потом Бисмарку объяснили, что часовых здесь выставляют со времен Екатерины, потому что однажды она увидела на этой лужайке первый подснежник и повелела его охранять. Все уже давно об этом забыли, но часового продолжали выставлять. Этот случай поразил Бисмарка, он нашел в нем ту примитивную мощь, устойчивость и постоянство, на которой зиждилась сила России в противовес остальной Европе².

Примечательно, что Бисмарк сделал типологию петербургского общества середины XIX в. Он выделил три поколения. Первое — самое старшее и знатное — европейски образованные вельможи времен Александра I (Воронцов, Блудов, Горчаков). Эти люди причислялись к «сливкам» европейского общества, свободно говорили по-французски и по-немецки. Второе поколение — однолетки Николая I — в своих разговорах ограничивались придворными новостями, театром, награждениями, повышениями и чисто военными интересами. И наконец, третье, молодое поколение обнаруживало меньшую учтивость, дурные манеры, отличалось большей антипатией к немцам, пруссакам.

¹ Независимая газета. 1993. 22 октября.

² См.: Русские глазами иностранцев (По книге О. Бисмарка «Мысли и воспоминания») // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1999. С. 150.

Сильные позиции германского капитала в дореволюционной России общеизвестны, в частности, в электротехнической промышленности. В России к 1914 г. жили 200 тыс. рабочих и специалистов из Германии, 130 тыс. австро-венгров, десятки тысяч французов, бельгийцев, англичан¹.

После Первой мировой войны и революции 1917 г. объем связей России и Германии резко снизился. Контакты шли на уровне немецких специалистов, участвующих в сооружении первенцев пятилеток. Их поражал энтузиазм, с которым советские (русские) люди возводили гиганты индустрии с использованием новейших технологий.

С 1922 по 1934 гг. осуществлялось интенсивное сотрудничество Красной Армии с рейхсвером. В 1927–1933 гг. через германскую военную академию прошло свыше сотни представителей советского высшего командования. М. Тухачевский сохранил скорее неприязнь к немцам и Германии, а Н. Уборевич являлся германофилом, откровенно симпатизировавшим своим немецким наставникам². В это время шла подготовка офицеров и в советских учебных заведениях.

С приходом к власти нацисты стали запугивать Европу ужасами коммунизма, сравнивали Советский Союз с монгольской ордой, а русских людей изображали монголоидами с вскипающей кровью «при всех потрясениях русской истории» (А. Розенберг).

Трезвые головы в правящих кругах Германии предостерегали окружение Гитлера о нецелесообразности ведения войны с Советским Союзом (Россией). Так, министр финансов имперского правительства Лутц граф Шверин фон Крозиг 19 апреля 1941 г. в докладной записке рейхсмаршалу Герингу подчеркивал: «В борьбе славян с германцами, ведущейся в течение многих столетий, славяне почти никогда не угрожали германцам силою оружия, а всегда численным ростом. В отношении Германии в будущем угрожает большая опасность»³.

Обратимся к приказу командующего 17-й армии генерал-полковника Хота от 17 ноября 1941 г. относительно основных принципов ведения войны. «Все лето нам становится все яснее, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом в основном еврейских интеллигентов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей не представляющей ценности жизнью. За повседневностью нам не следует те-

¹ Независимая газета. 1993. 22 октября.

² Отечественная история. 1999. № 6. С. 168.

³ Независимая газета. 2000. 19 апреля.

рять из виду всемирное значение нашей борьбы против Советской России. Русская масса уже в течение двух веков парализует Европу. Необходимость принимать во внимание Россию и страх перед ее возможным нападением постоянно довлеет в политических отношениях в Европе и тормозили мирное развитие. Россияне европейское, а азиатское государство»¹.

Вторая мировая война, поражение Германии заставили немцев по-новому взглянуть на Россию, русский народ. Были отброшены идеологические клише, стереотипы фашистской пропаганды, началось человеческое измерение недавних врагов.

Сдирая коросту ненависти и предрассудков к русским — «недочеловекам», немцы, пройдя все ужасы войны, не освободившись до конца от геббельсовских штампов, наконец поняли, что в «лапах русского медведя такая сила находится, которую мы не смели оценить...».

Плен раскрыл глаза многим, живущим химерами. Неумолимо стоял вопрос: «Как это мы, такие сильные, высококультурные, проиграли войну?» Открытия были на каждом шагу: выяснилось, что русские девушки, которых угоняли в «немецину», в абсолютном большинстве оказались девственницами².

Но больше всего удивляло другое: «Разве это ни странно — большинство из них не испытывает никакой ненависти даже к немцам: откуда берется эта непоколебимая вера в человеческое добро, это неисчерпаемое терпение, эта самоотверженность и кроткая покорность³...»

Позже Эрих Крестер напишет:

Когда бы мы вдруг победили,
Все страны разгромив подряд,
В стране настало б изобилье...
Кретинов, холуев, солдат.
Тогда б всех мыслящих судили,
И тюрьмы были бы полны...
Когда б мы только победили...
Но, к счастью, мы побеждены⁴.

Немцы, находившиеся в плену, отмечали многосторонность русского характера: редкое сочетание противоположностей в одном человеке, непонятливость, доброта, безудержность как в добре и во зле, щедрость, жалость русской женщины, жертвенность и т. д. Унтер-офицер К. Гогофф, наблю-

¹ Война Германии против Советского союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию нападения Германии на Советский Союз / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 63.

² Немцы о русских: Сб. М., 1995. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя. 1990. № 3. С. 186.

давший русских на другом берегу реки Оскол, пишет: «Несомненно, что русский крестьянин, рабочий, профессиональный солдат уже не таков, каким я его представлял по произведениям Лескова, Толстого, Тургенева. Он гораздо умнее и внутренне свободнее¹». Генерал фон Швейппенбург замечает: «Безудержность и недостаточная самодисциплина, последняя, конечно, является одной из лучших черт англосаксов, относятся к недостаткам русского человека»².

Офицер Кюнер пришел к выводу: «Здесь еще до сегодняшнего дня пространство довлеет над человеком. Человек борется с ним и покоряется ему, но его боится и перед ним смиряется». Далее: «Широта и простор природы определяют судьбу этой страны и этих людей. На больших просторах медленно протекает история»³.

Генерал Швейппенбург отмечал: «Ненависть в течение продолжительного времени...не в русском характере. Это особенно ясно на примере того, как быстро исчез психоз ненависти у простых советских людей по отношению к немцам во время Второй мировой войны. При этом сыграло роль...сочувствие, материнское чувство русской сельской женщины, а также молодых девушек по отношению к пленным»⁴. Примечательно, что именно это сострадательное качество мужчин и женщин способствовали тому, что во время войны погибло 35 % немецких военнопленных (для сравнения: в то же время погибло 65 % советских военнопленных от разных причин).

«Рассматривая сложность русского характера, — как пишет немецкая исследовательница Екатерина Филипс-Юзвиг, — мы видели немало примеров жестокости, но интересно при этом отметить, что очевидцы отрицают существование русского садизма»⁵.

Еще на одну сторону русского национального характера обратил внимание генерал Швейппенбург: «Русских трудно сравнить с другими народами. Мистицизм в русском человеке продолжает ставить вопрос смутного понятия о Боге и остаткам христианско-религиозного чувства»⁶.

Годы «холодной войны» законсервировали у политических элит и обывателей Запада мистический страх перед Россией (Советским Союзом). Завалы конфронтационного сознания с трудом преодолевала и Германия. Ныне, как показывает исследование А. Г. Здравомыслова, выявляется общая тенденция, которую можно было бы выразить словами одного из экспертов: «Россия рассматривается в Германии, в особенности в немецких СМИ, в ка-

¹ Немцы о русских. С. 57.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 166.

честве «потенциального противника». Именно под этим углом зрения преподносится любая информация из России и о России»¹.

Несмотря на покаяние немцев за преступные деяния в ходе Второй мировой войны, за Холокост, определенная часть молодежи несет в себе черты превосходства (2 % избрали нацистскую установку «немцы превыше всех»). Журнал «Spiegel» в 1994 г. провел опрос среди немецкой молодежи, выяснилось, что среди опрошенных преобладают: поляков — 87 %, турок — 74 %, русских — 63 %, французов — 20 %, американцев (США) — 11 %. При этом 52 % отрицательно ответили на этот вопрос, 49 % ответили, что «немцы превосходят некоторые народы»².

Как видно, нельзя освободиться от рамок своей культуры, выйти за пределы своей драматической истории, национального менталитета. Прошлое неумолимо живет в судьбах людей.

Чем русский менталитет отличается от менталитета немецкого?

Для немцев характерно передаваемое из поколения в поколение уважение к порядку, к власти, к государству. Дисциплина у них в крови, а точнее — в тех самых нервных клетках, которые отвечают за убеждения. В менталитете немцев достаточно много черт, объединяющих их со скандинавскими народами и с англичанами. Они менее эмоциональны, чем южные народы Европы, например, испанцы, итальянцы, греки. Они также более закрыты и осторожны в своих контактах. Такой северный тип всегда порождает иное восприятие цвета, чем в южных странах. В Германии традиционными и привычными цветами в одежде и интерьере жилища бывают не яркие сочные цвета, как, например, в Италии, а приглушенные, нейтральные, неброские. Основными характеристиками менталитета является восприятие пространства, восприятие времени, соотношение частного и общественного при восприятии личности самой себя. Пространство в немецком менталитете воспринимается как малое, узкое и тесное, как закрытое. Для восприятия времени характерно жесткое планирование и строгое следование своему плану, диктат времени, высокий темп жизни, четкое разграничение различных сфер жизни во времени. Одним из основополагающих признаков немецкого менталитета является четкое разграничение сферы частного и общественного, закрытость частной сферы и эмоциональная закрытость личности, упорядоченность частной сферы³.

¹ Здравомыслов А. Г. Образ России и русских. Доклад на ученом совете РНИС и НИИ 21 октября 2000 г. М., 2000. С. 4.

² Spiegel. 1994. № 38.

³ См.: Козлов В. Русский менталитет [Электронный ресурс] // Проза.ру . URL: <http://www.proza.ru/2010/10/21/781> (дата обращения: 15.03.2011).

Глава 3

Русский и американский менталитет

В книге «Россия и Соединенные штаты Америки» (1944 г.) Питирим Сорокин выяснил общие черты и различия между Россией и США и дал ответ на вопросы насчет умственного склада и психологии обоих народов, в частности, как можно найти общий знаменатель между мистической русской славянской душой и реалистическим, прагматическим американским складом ума; между исключительной эмоциональностью и печалью русской души и взвешенным оптимизмом американской психологии.

Россия и США находятся на противоположных полюсах. Во многих отношениях (психологическом и социально-культурном плане) они разнятся. Отличаются также и в поведении и нравах, уровне жизни, вкусах, образовании и религии и психологии различных групп. «Однако эти различия, — замечает мыслитель, — не ведут к вооруженному конфликту. Причина заключается в том, что они совместимы, то есть, могут существовать бок о бок без каких бы то ни было серьезных коллизий... Предполагаемое фундаментальное расхождение между духовными, культурными и социальными ценностями этих двух стран до сих пор сильно преувеличивали»¹.

По мнению Питирима Сорокина, сходство русской и американской психологии носит более позитивный характер, а именно представляет собой суждение о том, что оба народа имеют многие общие основополагающие черты психики, которые делают их взаимоотношения более родственными, по сравнению с теми отношениями, которые поддерживает каждый из этих народов со многими другими народами. Первое место среди этих общих черт занимает свобода от строгих мононационалистических традиций и социально-культурных норм, откровенность и широта умственного кругозора, космополитизм и чувство собственного достоинства, без принижения других или без какой бы то ни было предрасположенности к претензии на Богом данное превосходство над «низшими» группами. Эти качества способствуют независимости мысли, терпимости к мнениям, поведению и обычаям других, а также экспериментальному складу ума, который стремится установить истинное достоинство самых различных идей и ценностей, независимо от их источника.

В качестве еще одного свидетельства психологической близости двух народов можно привести взаимное влияние их соответствующих культурных ценностей друг на друга... Здесь достаточно сказать, что взаимопроникнове-

¹ Сорокин Питирим. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. 2-е изд., испр и доп. / Сост. Е. С. Троицкий. М., 1994. С. 40–41.

ние их культурных ценностей было в одно и то же время и большим по объему, и плодотворным. Каждая культура и каждое общество обогащали друг друга в гораздо большей степени, чем это осознают большинство людей¹.

Говоря о менталитете американцев, следует иметь в виду несколько обстоятельств.

Не существует такого этнического понятия, как американская национальность. Национальность американца де-юре определяется наличием гражданства США. Плавильный котел североамериканского общества выпестовал американскую нацию. Обычно рассматривают особенности американского менталитета, имея в виду основополагающие элементы (белых переселенцев — выходцев из Англии и Ирландии). Они составляют социокультурное ядро США. Первая и главная особенность американца — патриотизм («Америка превыше всего», глумление над американским флагом — страшнейшее святотатство и т. д.). Важнейшие черты национального характера — известного рода авантюризм, деловитость, предприимчивость, деловитая агрессивность.

У американцев не принят пессимизм. На вопрос: «Как дела?» всегда ответят: «Fine» («Отлично!»). Следует упомянуть о специфическом отношении полов в США. Американец не воспринимает женщину как слабое создание. Он женится, когда создает материальную базу для семьи².

Идеал среднестатистического американца 70-х гг. — маленький домик, жена, телевизор и трое-четверо улыбающихся детей.

Надежным индикатором нивелирования социальных границ между белыми этническими группами может служить высокий уровень смешанных браков в их среде. Ныне только одна пятая часть браков заключается в рамках одной и той же этнической группы. В итоге — выросло смешанное население с белыми корнями. Эгоцентризм со временем породил у американцев такую черту, как миссионерство. Эта черта имеет положительное выражение и свойственно взрослым американцам, которые считают, что, «будучи избранными, должны помогать другим людям. Миссионерская деятельность — мечта любого американца»³.

В период перестройки и постперестройки с Запада навязывалась советологическая концепция русской (российской) ментальности. Известный вклад в создание образа России и русских внесло американское руссиеведе-

¹ См.: Сорокин Питирим. Сходство психического склада русских и американцев // Сорокин Питирим. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. С. 70, 74–75.

² E-mail: Mik@alomi.ru

³ Нации мира и их менталитет. Хрестоматия по курсам «Отечественная история», «История зарубежного Востока». Ч. 1. М., 2002. С. 11.

ние. В советское время это направление американской общественной науки рассматривалось через призму «фальсификации». Все, что писалось о русских (России, СССР), что доходило до массового читателя через «самиздат» и «тамиздат» или хранилось в спецхране (для избранных — борцов с «фальсификаторами»), однозначно имело отрицательную оценку. Труды из-за океана попадали под рубрику «советология», «кремленология» и имели, как правило, уничижительную оценку. В 1990-е гг. в США наряду с советологией, имеющей политический оттенок, появилось россиеведение. Как наука после Второй мировой войны она обретает такие отличительные черты, как многоуровневость анализа, научный плюрализм. Славянский менталитет, образ мышления, знание основ национальной культуры смешались в россиеведении с западным рациональным мышлением, идеологией индивидуализма и методологией, разработанной западными общественными науками. Это отразилось на образе России, который формировался в рамках россиеведения¹.

Образ России и русских претерпевает изменения, как в американском россиеведении, так и в массовом сознании. Хотя рецидивы прошлого, стереотипы времен «холодной войны», эмоционально окрашенные, представления налицо. Образ СССР (России) рисуется как несвободное государство, имперскость преподносится как доминирующая черта русского народа (З. Бжезинский, Р. Райпс). Антизападничество, закрытость российского общества, национализм по-прежнему присутствует во многих работах. Русофобским нападениям подвергается православие, которому приписывают антизападничество. По мнению З. Бжезинского, вслед за развалом Советского Союза на очереди стоит уничтожение православия как консервативной силы.

Правда, в начале 90-х гг. появляются работы, в которых американские авторы считают, что православие выступает стержнем русской культуры, отличительным признаком русского этноса².

Несмотря на то, что образ России и русских эволюционировал соответственно духу времени, тем не менее, в американском россиеведении и массовом общественном сознании стереотипы восприятия чужой культурной модели присутствовали. Укрепились представления о таких характеристиках русского менталитета, как эмоциональность, загадочность русской души, алогичность мышления, жестокость, лень, доброта, терпимость, гостеприимство, широта натуры, подозрительность, покорность, тяга к страданию, пессимизм

¹ См.: Лаптева Е. В. Американское россиеведение: Образ России. Монография. Екатеринбург ; Пермь, 2004. С. 3–4.

² Warhola J.W. Russian Orthodoxy and Political Cultural Transformation. Pittsburg (Pa). 1993. P. 1.

и фатализм, любовь к завоеваниям, храбрость. Созданы были внешние образы-характеристики: холод, грязь, снег, мороз, медведи, икра, самовар¹.

Одним из наиболее стойких и распространенных в работах (Ф. Маклейна, Т. Мак-Даниэла, А. Доллина, В. Лагера и др.) американских руссиеведов является стереотип восприятия России как страны, уверенной в своей уникальности, избранности и мессианской роли. Идея русского мессианства осуждается в работах также английского историка Дж. Хоскинга².

Видимо, под влиянием идей Ф. М. Достоевского в американском общественном сознании культивируется стереотипное восприятие русского человека как склонного к страданию. Считается, что русские испытывают наслаждение страданием, что эта патология глубоко проникла в русский национальный характер³.

Как известно, стереотипы восприятия связаны с национальной психологией, они отражают разницу мироощущения, менталитетов, традиций и образов жизни. Они имеют особую устойчивость, закрепляются в общественном сознании.

Следующая таблица дает представление о стереотипном восприятии русских в американской современной лингвокультуре (Табл. 1).

Таблица 1

Русские глазами американцев

Образованные; интеллектуальные; бедные; эмоциональные; страстные; религиозные; угнетенные; терпеливые; гордые; гостеприимные; трудолюбивые
Русские выглядят: серьезными; грустными; свирепыми; угрожающими; голодными; несчастными; крупными (даже женщины); усталыми; испуганными; бледными; замерзшими; суровыми; напряженными; подозрительными
Русские любят: водку; жирную пищу; книги; американскую культуру; друзей; музыку; балет; искусство; войну; семью; холодную погоду
Русские всегда: носят сумки и авоськи; толкаются; хорошо выступают на Олимпийских играх; целуются в обе щеки; кричат; принимают жизнь такой, какая она есть; много работают; заботятся о своих семьях; хотят быть в центре внимания
Русские никогда:

¹ См.: Лаптева Е. В. Указ. соч. С. 59-60.

² См.: Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 55.

³ См.: Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культурного страдания. М., 1996. С. 363.

не веселятся; не носят обувь дома; не прекращают работать; не бывают оптимистичными; не ждут своей очереди; не строят планов на будущее; не улыбаются на улице; не совершают глупых поступков; не понимают американцев

Американцы в восприятии русских выглядят следующим образом (Табл. 2):

Таблица 2

Американцы глазами русских

Дружелюбные; гостеприимные; расчетливые; оптимистичные; деловые; выскомерные; уверенные в собственной правоте; амбициозные; независимые; энергичные; трудолюбивые; патриотичные
Американцы выглядят: толстыми; улыбающимися, но не искренними; бодрыми; независимыми; чистоплотными; процветающими; здоровыми; глупыми; уверенными в себе; деловитыми; однообразными
Американцы любят: кока-колу; нездоровую пищу; свою страну; попкорн; жевательную резинку; работу; хот-доги; деньги; семью; спорт; развлечения; своего президента; психоаналитиков
Американцы всегда: улыбаются; говорят «привет»; вмешиваются в чужие дела; носят футболки; планируют свое будущее; думают только о себе; шумят; хвастаются; задают глупые вопросы; много работают; заботятся о своих правах и личном пространстве
Американцы никогда: не обманывают; не плачут; не мечтают; не думают; не прощают; не жалуются; не тратят времени; не выполняют своих обещаний; не едят суп; не выходят из автомобиля; не моют посуду; не напиваются; не понимают русских

Глава 4

Русские и другие

Английский менталитет. Народные традиции, обычное право у островных кельтов, англосаксов, датчан и пр. сохранилось в гораздо большей мере, чем у их континентальных собратьев, а тем более у франков, лангобардов, остготов и вестготов. Приверженность англичан к королевству вошла в поговорку.

В то же время отношение к государству и устанавливаемым им порядкам у них куда более критично. Оно было государством-завоевателем, силой, навязавшей завоеванным свою власть и свои правила общежития. Однако Англия не смогла вытеснить и разрушить природные обычаи в силу их укорененности и прочности. Понятно поэтому, что отношение к этому государству и его законам у англичан было гораздо более фривольным, чем у немцев (если у Гегеля государство — высшее воплощение Мирового Духа, то у Гоббса — лишь продукт общественного договора). Однако эта фривольность распространялась лишь на сферу политики, но не выливалась в пренебрежение к любому порядку вообще. Политическое свободолюбие и свободомыслие у них естественным образом сопрягалось и сопрягается по сей день с бытовым консерватизмом, с неприятием всяческих перемен, со стремлением поддерживать раз и навсегда заведенный порядок жизни¹.

Французский менталитет. Французы по нутру своему — антигосударственники. Они всегда готовы крушить свои Бастилии и рубить головы любимым королям, что немыслимо для добропорядочного немца. Господство политических насильников привело во Франции к освобождению индивидуального духа не только от всяческого почтения к власти, но и, хуже того — от уважения к олицетворяемому лишь с ее волей порядку вообще. Французы и сами по себе — глубоко «неупорядоченные» люди, легкие на подъем, лишённые немецкой основательности и укорененности некоей традиционной жизни. Недаром немцы считают французов легкомысленными, а те, наоборот, — тугодумами. «Француз свободен и тем чертовски симпатичен. Немец внутренне дисциплинирован и тем вызывает искреннее уважение»².

Вот мнение испанца Х. Кобо о русских: «...мои знакомые считают, что самое главное их впечатление от России — контраст между жестокостью и

¹ См.: Козлов В. Русский менталитет [Электронный ресурс] // Проза.ру . URL: <http://www.proza.ru/2010/10/21/781> (дата обращения: 15.03.2011).

² Там же.

суровостью поведения на улице и в то же время мягкостью и сердечностью в домах, куда им приходилось попадать»¹.

Японец Ю. Камэяма русских воспринимает через персонажей А. Тарковского, шлепающих по лужам. «Мне кажется, — говорит он, — шагание по лужам, — это ваше сопротивление, русское чувство самозащиты от западной цивилизации. Лужа — это протест европеизации и американизации России»².

При всем отличии приведенных характеристик русских вырисовывается общее — инакость, другой цивилизационный код. При общении с русскими иностранцы выделяли странное и непривычное в менталитете, характере, поведении, взглядах на жизнь. И ничего необычного по большому счету здесь нет. Просто встречались представители других цивилизаций, культур. У чужеземцев просто свои нравы, традиции, обычаи, свои правила социального поведения. Следует иметь в виду, что представления о русских и стране их обитания формируется на основе прецедентности и постоянно воспроизводящихся в жизни событий и явлений. Человек на основе массовидных фактов и явлений подготавливается к восприятию идеологии распознавания других.

Взаимодействие с представителями других цивилизаций, культур не только способствует созданию образа чужака, не только воспроизводит архетип подсознания «они» и «мы», но и является средством самоутверждения, самопознания и освоения символических обозначений окружающего мира.

Н. А. Бердяев, сравнивая русский и западный духовный мир, подчеркивает утилитарность западной ментальности, рационализм их души. «...В русской природе, в русских домах, в русских людях, — писал он в «Самопознании», — я чувствовал жуткость, таинственность, чего я не чувствую в Западной Европе... Западная душа гораздо более рационализована, упорядочена, организована...придавленная нормами цивилизации...»

Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность... Западный человек приговорен к определенному месту и профессии, имеет затверделую формацию души...»³

Б. П. Вышеславцев в работе «Русский национальный характер» (1923 г.) отмечает, что «русский народ и русская судьба все еще остается полной загадкой для Европы. Мы интересны, но и непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем, и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и ре-

¹ Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 2. С. 29.

² Там же.

³ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 253, 285.

шений составляют некоторую черту нашего характера»¹. Далее он пишет: «Характер имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания. Там, в этой подпочве, подготавливаются землетрясения и взрывы, которые нельзя объяснить, если смотреть на внешнюю поверхность (*sur face extérieure*). В особенности это применимо к русскому народу. Все герои Достоевского поражают такими выходками и вспышками. И весь русский народ в целом поразил мир своим революционным извержением. Нужно сказать, что область подсознательного в душе русского человека занимает исключительное место. Он чаще всего не знает, чего он хочет, куда его тянет, от чего ему грустно или весело»².

¹ Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112–121.

² Там же.

Глава 5

Русский национальный характер

Менталитет как совокупность устойчивых, общераспространенных представлений является важной составной частью такого интегрального понятия, как национальный характер.

Характер — слово греческого происхождения. Означает отпечаток, признак, отличительная черта.

Характер — это совокупность всех ментальных, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении. Характер также проявляется в манерах, привычках, в эмоциональной жизни человека.

Становление национального характера имеет социально-историческую обусловленность. Зависит, помимо природно-климатических, от исторических, культурных, религиозных и других факторов, традиций.

Исследователи (философы, историки, психологи, культурологи) отмечают противоречивость, биполярность русского национального характера.

«Ушибленная ширью» (Н. А. Бердяев) русская душа, неоформленное сознание обусловили поляризованность русского мышления. А. Ахиезер указал на раскол как важнейшую черту русского национального характера. В русском характере сочетаются противоположные черты, такие, как трудолюбие и лень, доброта и жестокость.

Казалось, стремление выжить вырабатывало чувство экспансии (захвата), жестокость, с одной стороны. С другой, — и в этом загадочность русской души! — с этим чувством экспансии уживалось чувство сострадания, жалости.

Понятие «менталитет» соседствует с понятием «национальный характер», является его базой. При этом делается акцент на индивидуальных характеристиках, на психологии межкультурных различий.

Под национальным характером И. Г. Дубов понимает «либо присущий представителям данной нации набор основных личностных черт (концепция модальной личности), либо систему основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений, и т. п. (концепция социальной личности)¹.

Историк В. Н. Егошина: «Национальный характер любого народа представляет собой целостную систему со свойственной ей иерархией качеств, черт, доминирующих в побуждениях, образе мыслей и действий, в культуре, стереотипах поведения, свойственных данной нации. Национальные характе-

¹ См.: Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Приложение к кн.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. С. 430.

ры создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия. Национальный характер — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, образе мыслей, складе ума»¹.

Специальным предметом изучения национального характера, психологии индивидуальных различий занимаются дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология, а также этническая психология. Указанные дисциплины исследуют как индивидуальные (присущие индивидууму), так типические (присущие группе людей, объединенных по какому-либо характерному для них признаку) различиями между людьми. Это различия в свойствах темперамента и личности, обуславливающих не столько количественные, сколько качественные различия в поведении, деятельности людей. При существующих различиях обнаруживается и качественное (типовое) сходство людей — в степени выраженности тех или иных параметров, в образе поведения, в стиле деятельности и общения и т. д. Важно обнаружить не только то, что «отличает людей, но и объединяет их в группы по тем или иным признакам»².

Необходимость разработки массового этносознания как важнейшего компонента менталитета русского народа вызывается быстрым изменением этнонациональных интенций, глобальным крушением групповых связей и межгрупповых границ, развитием национальных движений различного характера и оттенков, обострением межнациональных и межэтнических противоречий, вплоть до кровавых конфликтных столкновений, которые сотрясали все геополитическое пространство бывшего СССР³.

По мнению В. Жельвиса, русский взгляд на жизнь можно выразить с помощью трех основных понятий: «душа», «тоска» и «судьба». «Душа» — это некая нематериальная субстанция, понятие о которой неразрывно связано с православием. «Тоска» — это смесь апатии, мучений, меланхолии и скуки. «Судьба» — это эклектическая смесь фатума, удела, доли, жребия и предназначения⁴.

Отечественные мыслители, писатели, ученые, государственные и общественные деятели, пытаясь раскрыть глубинные черты и особенности русского национального характера, высказывали свои наблюдения и рассуждения.

¹ Егошина В. Н. О менталитете русских. М., 2003. С. 3–4.

² Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб., 2010. С. 10, 15.

³ См.: Ожегова О. А., Паховский С. В. К вопросу об имманентности массового этносознания // Власть. 2010. № 10. С. 45.

⁴ См.: Жельвис В. Эти странные русские. М., 2002. С. 13.

«Идея законности, идея права для русского народа — бессмыслица, — указывал П. Я. Чаадаев. — ...Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который ... составляет всю поэзию нашего существования»¹.

Нельзя обойти стороной такие черты русского характера, как мессианство, «вселенская миссия», «беспощадный самосуд». (П. Я. Чаадаев).

Находясь в Италии, Н. В. Гоголь вопрошал Русь из своего «прекрасного далека»: «Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?»²

Менталитет своими корнями уходит в далекие времена (может быть, неандертальские). На его формирование отложили неизгладимый отпечаток различные факторы: и пространственно-географический и климатический. Безбрежные просторы породили «любопытность», «любомудрие», «странничество», «бродяжничество», которое трансформировалось в «подвижничество». Не случайно это отразилось в песенном творчестве ямщиков, бурлаков, землепроходцев и других категорий населения России, с их заунывными интонациями.

В русской песне аккумулировались ментальные особенности народа, его миропонимание. По меткому замечанию известного филолога и историка В. Кожина, «песня — это именно "абсолютно необходимое" явление духовного бытия России, тот воздух (единный корень в словах "духовность" и "воздух" в определенном смысле закономерен), без которого оно, это бытие, невозможно, немислимо (ни для народа, ни для отдельного человека)»³.

Идея всечеловеческого единения — это нравственная черта русского народа (Ф. М. Достоевский). На двойственное значение этой черты в русском самосознании указывал В. Г. Белинский. По его мысли, одни видят превосходство перед всеми другими народами, другие выводят из этого печальные заключения о его бесхарактерности. Из толкования всечеловечности следует вывод: с одной стороны, у русских удивительная способность понимать культуру и психологию других народов («социальность француза, практическую деятельность англичанина и туманную философию немца» (В. Г. Белинский), с другой стороны — подделываться под чужую жизнь. Впоследствии Н. А. Бердяев назвал эту сторону всечеловечности «обезьянничеством», что выродилось у сильных мира сего в низкопоклонство перед Западом.

¹ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : В 2-х т. М., 1991. Т. 1 С. 494.

² Цит. по: Кожин В. В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 26.

³ Там же. С. 22.

Примечательно, что «склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению», «общечеловечность» могут быть достигнуты не иначе как «упором в свою национальность каждого народа», ибо идея национальностей есть точка опоры, Антей...» (Ф. М. Достоевский). По верному наблюдению В. В. Кожина, если происходит разрыв «всечеловечности» и народной основы, то «первая вырождается в космополитизм, вторая — в национализм... Стоит подчеркнуть для большей ясности, что космополитизм и национализм по-своему также взаимосвязаны: национализм, утверждая одну нацию за счет всех других, в сущности, требует от этих других встать на космополитические позиции (это в высшей степени характерно, например, для такой крайней формы национализма, как сионизм). С другой стороны, именно под давлением космополитических тенденций рождается — в качестве их прямолинейного, примитивного противовеса — национализм»¹.

¹ Кожин В. В. Указ. соч. С. 155.

Глава 6

Характерные черты русского народа

Н. О. Лосский в своей работе «Характер русского народа» выделяет среди свойств ментальности своеобразную пару противоположностей — морально положительных и морально отрицательных.

Какие же черты характера русского народа Н. О. Лосский выделяет как основные? Прежде всего, религиозность, которая включает в себя и воинствующий атеизм. Русские хотят действовать во имя чего-то абсолютного. В то же время, если у них возникает сомнение в идеале, они способны перейти от невероятной богобоязненности и послушанию к необузданному бунту.

Н. О. Лосский выделяет другие противоположности: способность к высшим формам опыта — и атеизм, бунтарство, страстная сила воли и максимализм и одновременно лень (обломовщина), пассивность; свобода духа, искание высших ценностей и склонность к анархии, нигилизм (у интеллигенции), хулиганство (у простого народа); исконная доброта и необузданная жестокость; даровитость и сатирический склад ума, склонность к самоуязвлению; мессианизм и невыработанность самодисциплины; отсутствие чувства меры и шараханье из крайности в крайность. Наряду с «противоположными парами» Н. О. Лосский обращает внимание и на «слабости» русского характера, которые бросаются в глаза иностранцам: небрежность в работе, беспечность, критиканство и отсутствие действий, пьянство, своеволие и попустительство, склонность к абсурдным поступкам, внутренняя саморазорванность и увлечение безудержным самобичеванием¹.

Важная характерная черта русского народа — сострадание, которое, по мнению Ф. М. Достоевского, очищает душу человека. Другой выдающийся мыслитель Вл. Соловьев развивает мысль о сострадании как о жалости. Он считал, что человек... «соответственным образом ощущает чужое страдание или потребность, т. е. отзывается на них более или менее болезненно, проявляя таким образом в большей или меньшей степени свою солидарность с другими»².

По мысли Питирима Сорокина, к существенно важным характерным чертам русской нации относятся: ее сравнительно долгая жизнь, огромная жизнеспособность, удивительная стойкость, исключительная готовность со стороны ее членов идти на жертвы ради ее выживания, а также необычайный рост территории, населения, политический, социальный и культурный рост. К этим основным чертам можно добавить ряд дополнительных особенностей:

¹ См.: Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991.

² Соловьев Вл. Оправдание добра. Соч. в 9 т. Т. 1. М., 1988.

расовое и этническое разнообразие, единство в разнообразии, предоставление нерусским самых высоких постов в политической и социальной сферах, сравнительно мирная экспансия и рост, ведение преимущественно оборонительных войн, относительная благопристойность и высокая преданность данной нации со стороны ее членов¹.

Довольно проницательные наблюдения о русском национальном характере сделал великий русский ученый, лауреат Нобелевской премии академик И. П. Павлов. Весной 1918 г. он выступил в Петрограде с двумя публичными лекциями «Об уме вообще и русском в частности»².

Первое качество — это чрезвычайное сосредоточение ума. А как русский ум? Мы не склонны к сосредоточенности, не любим ее, мы даже к ней отрицательно относимся. «Возьмем наши споры, — говорит Павлов. — Они характеризуются чрезвычайной расплывчатостью, мы очень быстро уходим от основной темы».

Второе качество — это стремление мысли придти в непосредственное общение с действительностью. «Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова, и ими оперирует. Русские не проверяют смысла слов, не идут за кулисы слова, не любят смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни».

Третье качество ума. «Это свобода, абсолютная свобода мысли, свобода, доходящая прямо до абсурда вещей. Есть ли у русских эта свобода? Надо сказать, что нет... Говорить что-нибудь против общего настроения было невозможно. Вас стаскивали с места, называли чуть ли не шпионом».

Четвертое качество ума — привязанность мысли к той идее, на которой остановились. «Что у нас, русских?» Приверженность у нас есть, таких лиц, которые стоят на определенной идее. Но абсолютного беспристрастия, его нет».

Пятая черта (качество) — это обстоятельность, детальность мысли. «Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом».

Шестое свойство ума — это стремление научной мысли к простоте. «Русский человек, не знаю почему, не стремится понять то, что видит. Он не задает вопросов с тем, чтобы овладеть предметом, чего никогда не допустит иностранец».

¹ См.: Сорокин Питирим. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке // *Анналы американской Академии политических и социальных наук*. Филадельфия, март 1967 г. С. 99.

² См.: Павлов И. О русском уме // *Литературная газета*. 1991. № 30. С. 7.

Седьмое свойство ума — это стремление к истине. «А что же у нас? А у нас прежде всего первое, — это стремление к новизне, любопытство. Достаточно нам что-либо узнать, и интерес наш этим кончается».

Последняя, восьмая черта ума. Так как достижение истины сопряжено с большим трудом и муками, то понятно, что человек в конце концов постоянно живет в покорности истине. Так ли у нас? У нас этого нет, у нас наоборот».

Подводя итог, Павлов осознает, что написанная им характеристика русского ума мрачна, «но дефекты эти могут быть изменены. Это научный факт. А тогда и над нашим народом моя характеристика не будет абсолютным приговором. У нас могут быть и надежды, некоторые шансы».

На противоречивость русской души, отсутствие чувства меры указывал академик Д. С. Лихачёв в работе «Раздумья о России». Национальный характер русских, — писал он, — «...далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в «едином регистре»: религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости»¹.

Говоря о «национальном антиидеале», академик называл ряд черт, неприемлемых для национального самосознания — душевная узость и отсутствие широты, погруженность в повседневные заботы, душевная скупость и жадность материальная, мелкая злость и личная мстительность, национальная и националистическая узость во всех их проявлениях².

«Меня поражает одно явление, — пишет акад. И. Шафаревич. — Никогда, живя в нечеловеческих условиях, когда годами не платят зарплаты и пенсии, при отключении энергии, сидя в темноте и холоде, русские не становятся шахидами. Вообще не популярны столь знакомые формы протеста: террор, создание своих партий, может быть, подпольных, баррикады, забастовки... Слышно о совсем другой реакции: голодают. Сколько я знаю, это нечто совсем новое в истории»³.

У. Черчилль говорил о России: «It is a riddle wrapped in a mystery an enigma» (Это загадка, облеченная в тайну, в которой скрывается необъяснимое)».

¹ Лихачёв Д. С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 47.

² См.: Там же. С. 35.

³ У Шафаревича // Завтра. 2010. № 42. С. 2.

Психолог В. В. Кочетков¹ видит следующие особенности русского менталитета (с нашими комментариями).

1. Открытость и недостаточность, готовность ассимилировать, принимать влияние извне. Причины коренятся в безграничных просторах России. По словам Н.А. Бердяева, русская душа «ушиблена ширью».

2. Коллективизм, общность. Суровые климатические условия породили эти качества, потому что в одиночку выжить нельзя. Говоря политэкономическим языком, за счет этого создается прибавочная стоимость, которая позволяла содержать огромное государство, организовать общинное, муниципальное управление.

3. Преобладание нравственных и моральных ценностей над правовыми. Это нашло точное отражение в поэтических строках: «Широки натуры русские//Нашей правды идеал//Не влезает в рамки узких юридических начал».

4. Менталитет русского характеризуют крайности и противоречия. Наш современник, культуролог А. Ахиезер указал на раскол как на важнейшую черту русского национального характера. В русском характере сочетаются противоположные черты. Такие как трудолюбие и лень, доброта и жестокость.

5. Преобладание интуиции над логикой («авось»). Надежда (не всегда обоснованная) на то, что все обойдется, все уложится, все будет хорошо.

6. Ортодоксия — одноверие, которое связывается с православием. В отличие от протестантизма русскому человеку непривычен плюрализм мнений. Этика у русского человека вытекает из сакрального, а не процесса труда, рационального, производительного хозяйствования, «мирского аскетизма» (М. Вебер).

7. Патриотизм, любовь к Родине. Эти качества органически связаны с жертвенностью, с защитой духовно-смысловых ценностей, социокультурных традиций народа. Важнейшая задача, которая стоит перед нашим обществом, — вывести русское самосознание из комы, выработать национальную всеподнимающую идею.

8. Преобладание индивидуально-личностных отношений над формальными. Русские открывают незнакомым людям свою душу не исподволь, нередко надевают маску холодного, а то и грубого человека. Но это наносное. В конечном счете индивидуально-личностное пробивает себе дорогу. Взаимопонимание достигается, как говорят, «малой кровью».

¹ См.: Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М., 2002. С. 344–355.

9. Преобладание аффилиативной мотивации над достиженческой. Русским свойственно не стремление к достижению результата любой ценой, а принадлежность к референтной группе (например, к «новым русским»).

10. Русских характеризует диффузное общение, когда человек отбрасывает друзей, не заботясь конъюнктурными соображениями (для работы, отдыха, для спорта и т. д.).

11. Пессимизм. Менталитет человека, принадлежащего к экстенсивной культуре, характеризует пессимизм. Если русские на вопрос: «Как дела?» отвечают «Нормально», то американцы: «Fine» («Отлично!»).

12. Отношение к иностранцам. Издавна укоренилось у русских отношение к иностранному благожелательное, к русскому — неуважительное.

13. Отношение к страданию. Западноевропейец хочет забыться в работе, русский стремится перетерпеть страдание.

14. Осторожность и консерватизм — качества характера, которые сформировались в длительных условиях невзгод, экстремальных обстоятельств.

15. Отношение к прошлому — движение по жизни по принципу «провалов памяти», время от времени забвения исторических страниц.

16. Отношение к власти амбивалентно. С одной стороны, власть устанавливает свои порядки (порой жесткие, вспомним нашу драматическую историю), с другой — налет царистских иллюзий: «вот приедет барин — барин нас рассудит».

17. Отношение к собственности. Устное народное творчество пронизано пренебрежением к собственности: «богатый никогда не пройдем через угольное ушко».

18. Отношение ко времени. Время в России — понятие философское: «Тише едешь — дальше будешь», «Поспешишь — людей насмешишь» и т. д. Явно, что в России — «время — не деньги».

По мнению историка В. Н. Егошиной, к началу XX столетия сформировался довольно устойчивый стереотип русского человека, включавший в себя следующие качества: гостеприимство; недоверие и даже враждебность к иностранцам; патриотизм; религиозность; верность старым традициям, обычаям; недоверие к новшествам; склонность к подражанию; склонность к мистицизму и суевериям; патриархальность; склонность к показухе, внешнему блеску; страстность, взрывчатость чувств, отсутствие разумных самоограничений, преобладание инстинкта над разумом; склонность к анархии, пренебрежение к законам; меланхоличность; склонность к пессимизму; фатализм; непостоянство во взглядах; чувство национального превосходства, граничащее с шовинизмом; чинопочитание; мечтательность; способность к сочувствию; открытость, радушие; склонность к коллективному общению, ощущение

ние себя частью российской общности; лукавство, склонность к плутовству, казнокрадству; недостаточная энергичность, слабая деловая хватка; склонность к распространению слухов, сплетен; легкоеверие и легкомысленность; отсутствие «нравственного стержня» и моральной ориентации¹.

Опираясь на труды религиозных философов Н. Бердяева., Н. Лосского, наших современников: экономиста-историка О. Платонова, психологов Э. Саракуева и В. Крысько, а также зарубежных авторов Легра и Бэринга, чьи взгляды описаны в работе Н. Лосского «Характер русского народа» (М., 1990), специалист по исторической психологии И. Р. Федоркова — предложила национальные характеристики разделить на две группы. При этом она сделала оговорку, что подобное разделение можно считать условным, т. к. в различных ситуациях одно и то же качество может менять свою модальность², по принципу (добавим от себя): крайность диалектически переходит в свою крайность.

Чаще остальных присутствуют следующие положительные качества: в четырех классификациях — терпение (терпимость) и смирение; доброта (добротолюбие, доброжелательность); успешность овладения знаниями (теоретический и практический ум, гибкость ума). В трех классификациях встречаются следующие свойства: человеколюбие (гуманность, по словам Бэринга, «христианская любовь — теплая, простая, искренняя»); коллективизм (склонность к кооперации), самоограничение (аскетичность, неприхотливость); «широта души (натуры)», религиозность (святость); милосердие (жалостливость, сострадание, жалость к страждущим); нестяжательство (щедрость, «душа не склоняется перед золотым тельцом»); «искание правды».

В числе отрицательных свойств выделяются следующие: в трех классификациях — пассивность, лень, недостаток дисциплины (самодисциплины), слабое развитое чувство ответственности, недостаток мужественной воли (слабоволие, слабая выраженность гражданского мужества); несобранность (неорганизованность); «недостаток индивидуальности», неразвитость самосознания личности, ее достоинств и прав); зависимость коллектива (конформизм); отсутствие чувства меры; импульсивность; неумение доводить начатое дело до конца. В остальных классификациях встречаются следующие качества: недостаток инициативы, нежелание совершенствоваться, излишняя доверчивость, небрежность в работе, недостаток оригинальности, поверхностность, робость в поведении, хулиганство, пьянство, распущенность,

¹ См.: Егوشина В. Н. О менталитете русских. М., 2003. С. 45–46.

² См.: Федоркова И. Р. Психология российского купечества дореволюционного периода. М., 2005. С. 30.

неумение планировать свою деятельность (импровизация в последнюю минуту)¹.

Можно ли национальные характеристики условно разделить на положительные и отрицательные. Почему условно? Потому что в зависимости от обстоятельств, социального контекста то или иное качество (характеристика) может выступать как положительное или как отрицательное. Например, Н. Бердяев считает отсутствие у русских такого качества, как отсутствие национализма, национальной самоуверенности как положительное; в то время как Н. Лосский как отрицательное, потому что это показатель незавершенности, неопределенности русского характера².

Ряд черт национального характера русских был сформирован на протяжении вековых природноклиматических особенностей (небрежность, работа на «авось»). В свое время В. И. Ключевский много и убедительно писал о влиянии природы Русской равнины на психологию великоросса. Разве не подтверждают эти слова ученого о том, что «расчетливый великорус любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось». «Авось» превратилось в философию среднего уровня: «все обойдется, авось куда-то вывезет».

Небрежность в работе объяснилась тем, что средняя в году температура в России -4°C . Весна — апрель — май — скоротечны. В мае еще снега, заморозки. Сенокос — один месяц. Заморозки повторяются в конце августа — начале сентября. В октябре — ранее зазимье. При всех колебаниях климата цикл сельхозработ составлял 125–130 дней. Крестьянин должен был вложить в землю за 21–25 рабочих дней объем труда, который требовал 40 дней³. Поэтому задача, которая стояла перед сельской общиной, — посеять (посадить) в коротко возможные сроки. И как можно быстрее убрать урожай. Речь идет о том, чтобы его убрать, не задумываясь о качестве. Главное — быстрее. Иначе будет поздно. Отсюда — небрежность, неорганизованность. В то же время, например, французский крестьянин в силу удовлетворительных климатических возможностей не работал на земле 2 месяца (декабрь — январь). Русский же крестьянин не выходил на землю 5–6 месяцев. Вся история русского народа чередуется циклами застоя и бурного, штурмового выплеска энергии, разгула не свободы, а воли, не достижения богатства, а достатка. Философ Н. О. Лосский, знаток русского национального характера неслучайно приводит слова англичанина Грэхэма: «Русские — вулканы, или потух-

¹ См.: Федоркова И. Р. Указ. соч. С. 30–31.

² См. там же. С. 30.

³ См.: Беловинский Л. В. Власть земли // Отечество. Краевед. альманах. М., 2001. С. 55.

шие, спокойные, или в состоянии извержения. Под поверхностью даже и самых спокойных и глупых таится жила энергии расы, ведущая к внутреннему огню и тайне человеческого духа»¹.

Важной отличительной особенностью русского национального характера являются религиозность. Даже несмотря на десятилетия воинствующего материализма, государственного атеизма не удалось власти предрержащим искоренить эту черту. В годы перестройки и постперестройки наблюдался фактически Ренессанс русского православия.

Как отмечает Н. Н. Моисеев, в основе любого научного мировоззрения необходимо присутствует постулат веры, хотя на это не всегда обращают внимание. Наука вполне совместима с религиозными убеждениями, а тем более с религиозным чувством — основой любой веры. Они никак не противоречат друг другу, отражая сущности двух кардинальных вопросов. Один из них порожден практикой человеческой деятельности, требованиями сохранения рода человеческого, заложенными в нашем генетическом естестве, а другой возник вместе с духовным миром человека².

«В нарушение требований инстинктивной морали под влиянием эгоистической направленности ума происходит грехопадение человека, — пишет В. Д. Шадриков. — В стремлении обезопасить общество и повысить моральную силу запрета последний воплощается в образе (Божества). Бог запрещает, предупреждает или наказывает за моральное зло, которое человек любит нанести другому человеку или обществу. Это в яркой форме подтверждают суровые требования Ветхого завета. Индивид останавливается в стремлении нарушить обычай религиозным страхом наказания за моральное зло»³.

Православные установки отличаются от протестантских, т. к. в их основе лежат такой постулат, как справедливость. Для русских не свобода (в юридическом смысле слова), а воля (как моральное качество), не богатство (мерило престижности человека), а достаток (умеренные земные блага).

Известный славянофил К. С. Аксаков подкрепляет сказанное ссылкой на фрагмент юмористического стихотворения Алмазова:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,

¹ Цит. по: Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 267.

² См.: Моисеев Н. Н. Быть или не быть... Человечеству? М., 1999. С. 74.

³ Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. М., 2009. С. 610.

Нашей правды идеал
 Не влезает в формы узкие
 Юридических начал...¹

Социолог Л. Бызов приводит сравнительную характеристику православных и протестантских установок². (См. табл. 3).

Таблица 3

Основные православные и протестантские установки

Православные установки	Протестантские установки
Правда — это сокровенная истина о мире и людях, доступная немногим	Правда — это то, что позволяет хорошо ориентироваться в жизненных условиях и добиваться успеха честно
Всегда и во всем строго следовать высоким нравственным принципам, даже если для этого приходится поступаться практическими интересами своими и своей семьи	Быть хорошим семьянином, честно и добросовестно выполнять свою повседневную работу
Нравственный пример: человек жил бедно, страдал, не добился особого жизненного успеха, но зато был нравственным примером для окружающих	Нравственный пример: человек добивался успеха во всем, за что брался, заработал много денег, добился высокого общественного положения
Судьба посылает страдания наиболее достойным людям, страдания просветляют и очищают духовно	Судьба наказывает нас за грехи, а успехами и достатком вознаграждает за праведную и добродетельную жизнь
Кладбище — место скорби, там все должно быть мрачно и торжественно	Кладбище — место поминаний близких, здесь должно быть приятно проводить время
Государство олицетворяет высший смысл деятельности отдельного гражданина. Жить ради государства, самоотверженно служить ему — нравственный идеал русского человека	Государство существует ради своих граждан. Государство должно быть сильным, чтобы эффективно защищать их интересы

¹ Цит. по: Лосский Н. О. История философии / Пер. с англ. М., 1991.

² См. Бызов Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неконсервативной субъектности // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С. 45–96.

Глава 7

Национальная идея: поиски в России

Проблема ментальности тесно связана (но не покрывает ее) с национальной идеей, в которой концентрируются как осознанные (на уровне рациональности), так и неосознанные (неотрефлектированные) цели, ценности, глубинные установки и другие психологические составляющие.

«Как человек не является человеком в небιологическом смысле без идеи, смысла жизни, социализированной ценностно-целевой нагрузки, — пишет В. И. Якунин, — так и нация не может быть успешной и исторически устойчивой без национальной идеи»¹.

Поиск национальной идеи в современной России, вступившей на путь трансформации общественно-политического строя, является одной из актуальнейших проблем. В начале 1990-х гг. Б. Н. Ельцин поставил перед своими советниками в короткий срок разработать нацидею. Естественно, этот проект потерпел крах, потому что она не появляется на свет божий по желанию вождей; она должна быть выстрадана, вымучена всем ходом исторического развития, она призвана соединить социокультурные традиции и новации, порожденные современными реалиями.

Применительно к России проблема её позитивного решения усугубляется тем социальным, мировоззренческим и психологическим расколом, в котором оказалось российское общество. Так, соотношение между 10 % богатых и 10 % бедных в настоящее время 1:34 (в Москве 1:75). Это и другое дает основание считать, что в стране идет скрытая гражданская война (С. Кара-Мурза). Между тем, одна из целевых установок национальной идеи в России — объединить как отдельных индивидов, так и различные страны вокруг высших моральных и духовных ценностей, сохранить территориальную целостность, упрочить геополитические международные позиции страны в изменяющемся глобализированном мире.

Зачастую водораздел между враждующими группами людей — в недавнем прошлом. Это, прежде всего, оценка советского периода, место и роль Сталина в истории. Между тем, прецедент примирения состоялся в Испании, когда она переходила от тоталитаризма к демократии. Правящие элиты «договорились, нашли консенсус о прошлом» (Вал. В. Журавлев). Генералиссимус Франко изготовил деревянный крест и установил его на кладбище, где были похоронены и франкисты и республиканцы («интербригадовцы»), которые сошлись когда-то в жесткой гражданской войне. Национальные идеи

¹ Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход и Россия: трансформация, реформы. Пути развития (2000–2010). М., 2010. С. 698.

различных стран, естественно, разные. Но общее, что их объединяет, это — стремление в краткой форме (формуле, девизе) отразить символы, идеалы, энергичные призывы к благоденствию, процветанию народа. В России идет полемика, разномыслие, что считать национальной идеей. Есть сторонники считать ее идеей многонационального народа (на ее территории проживает более 180 народов и национальностей, каждый пятый — тюркского происхождения, как правило, исповедующий ислам).

Есть сторонники (их немало) считать нацидею «русской идеей», так как государствообразующий русский народ составляет более 80 % населения. Это дает основание, опираясь на документы Европейского Союза, считать Россию мононациональной страной¹. Например, налицо желание у современных авторов формулировок национальной идеи уйти от этнических и религиозных вопросов. А. И. Солженицын в брошюре «Как нам обустроить Россию» предложил формулу: «Сбережение народа», казалось бы, актуальную в условиях вымирания народа, начиная с 1992 г. Политолог С. С. Сулакшин трактует национальную идею как сохранение сущности своей страны (ее существования и жизнедеятельности). Эта идея должна дать «смысл жизни» страны. При этом он рассматривает ее как «живой организм»².

Представление о национальных идеях разных стран дает табл. 4³.

Таблица 4

Формулы национальной идеи разных стран

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Австрия	Австрия погибнет последней
Ангола	Единство обеспечивает силу
Аргентина	В союзе и свободе
Армения	Помним прошлое, сильны в будущем
Белоруссия	Жыве Беларусь!
Восточный Тимор	Честь, Родина и Народ
Вьетнам	Независимость, Свобода, Счастье
Габон	Единство, Труд, Правосудие
Гайана	Один народ, одна нация, одна судьба
Гвинея	Работа, Справедливость, Солидарность
Гвинея-Бисау	Единство, Борьба, Прогресс
Испания	Превыше всего — Испания, превыше Испании

¹ Если в стране проживает 67 % лиц одной национальности, значит, это мононациональная страна.

² См.: Сулакшин С. С. Указ. соч. С. 843, 853.

³ Там же. С. 855.

	— Бог
Камерун	Мир, Работа, Отчизна
Коморские острова	Единство, Справедливость, Развитие
Ливия	Свобода, Социализм, Единство
Мавритания	Честь, Братство, Справедливость
Мадагаскар	Отечество, Свобода, Прогресс
Мали	Один народ, одна цель, одна вера
Польша	Бог, Честь, Отчизна
Российская империя	Православие, Самодержавие, Народность. С нами Бог. За веру, Царя и Отечество
Россия	Отсутствует
Сент-Люсия	Отчизна, Народ, Процветание
Сьерра-Леоне	Единство, Свобода, Справедливость
Туркс и Кайкос	Один народ, одна нация, одна судьба
Франция	Свобода, Равенство, Братство
ЦАР	Единство, Достоинство, Труд
Чехия	Истина восторжествует
Швейцария	Один за всех, все за одного
Южная Корея	Все для блага народа
Ямайка	Все как один
Япония	Страна Восходящего солнца

Не вдаваясь в подробный разбор формул национальной идеи разных стран, укажем, что ряд из них включает в нее богословское начало: Испания («Превыше всего — Испания, превыше Испании — Бог»), Мали («один народ, одна цель, одна вера»), Польша («Бог, Честь, Отчизна»). В качестве девиза США выступает идеология «In God we Trust» («В бога веруем»).

Национальная идея — это набор ценностных установок, опирающихся на исторический опыт, особенности национальной ментальности народа. Национальная идея, обладая способностью сплачивать нацию в гражданское общество, является важнейшим элементом формирования политической стратегии¹.

В условиях краха советской государственной идеологии закономерными становятся попытки создания новой идеологической доктрины, основанной на культурных, религиозных, этнических особенностях России как государства².

¹ См.: Национальная идея на европейском пространстве в XX веке: Сб. ст. М., 2005. С. 5.

² См.: Там же. С. 9.

«Русская идея» — понятие, с помощью которого можно, следуя за философами XIX–XX столетий, объединить целую группу тем и проблем, идейных течений и направлений, дискуссий, которые в немалой степени определяли культуру развития российской культуры.

Суммируя дискуссии о «русской идее», можно условно выделить следующие основные группы проблем и линий спора: 1. Любовь к России, к Родине — характер русского, точнее, российского патриотизма. Патриотизм и критическое отношение к России, к российскому, значит, многонациональному народу. В частности к народу русскому — совместимы ли они? Патриотизм как пробуждение национального самосознания, его исторические фазы и роль в «национальной идентификации» россиян. 2. Историческая миссия России и ее народа. Утверждение о русском народе — мессии, возрождении идеи о России как о «третьем Риме». Различия между «миссионизмом и мессианизмом». 3. Исторический путь России, его своеобразие и его пересечение с путями других народов, стран, регионов. а) Россия и Запад. б) Россия и Восток, Россия как Евразия. 4. Русская «душа», или специфика национального характера русского народа. 5. Свообразие российской национальной культуры. Специфика российской философии. «Национальные» ценности и ценности общечеловеческие. 6. Российская государственность. Специфика решения проблем свободы, права, демократии, реформ и революции в России¹.

По словам В. В. Владимирова, русская национальная идея может быть сформулирована следующим образом. 1. Мы — русские, представители цельной и самобытной цивилизации. 2. Выживание человечества зависит от приверженности людей той системе ценностей, которая наиболее полно развита в русской культуре. 3. Сохранение русской цивилизации зависит от нас. Последний тезис может быть развит применительно к тем или иным сферам деятельности. Так, «внутренний» задачей здесь является сохранение и развитие нашего «русского мира». Это изучение российской истории, воспитание уважения к ней, объективная оценка тех или иных ее эпизодов. Это поддержка русской культуры, русского образа жизни. Это и обеспечение разумного материального достатка².

¹ Что такое Русская Идея? Философский словарь [Электронный ресурс] // Мир словарей URL: http://mirсловarei.com/content_fil/chto-takoe-russkaja-ideja-12458.html (дата обращения: 15.03.2011).

² Владимиров В. В. Россия как идея [Электронный ресурс] // Открытая электронная газета "Forum.msk.ru. URL: <http://forum-msk.org/material/society/481688.html> (дата обращения: 15.03.2011).

«...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, — писал русский философ В. С. Соловьев, — но то, что Бог думает о ней в вечности»¹.

Заметна общая тенденция: при сравнении разных народов обычно выискивают то, что их сближает (в условиях формирования толерантности это естественно), но для понимания места каждого народа в истории мировой культуры, важно и находить различия как культурные, так и психологические.

«Подлинная национальная идея, — замечает М. В. Назаров, русский философ и публицист, — осознается в сравнении того, чем цель существования нации отличается от других. Она требует нравственного оправдания существования своей нации в мире. Поэтому она содержит в себе более высокие цели и ценности, чем биологическое существование народа, и направлена на служение им, порою очень жертвенное и связанное с материальными потерями»².

Впервые Ф. М. Достоевский сформулировал «русскую идею» в 1861 г. (в объявлении о подписке на журнал «Время»). В «Речи о Пушкине» он ее изложил так: «И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону. <...> Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина»³.

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Я русский! Хрестоматия русского национального характера/ Авт.-сост. В. В. Аристархов. М., 2010. С. 7.

² Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в апокалипсическое время. // Я русский! Хрестоматия русского национального характера. С. 8.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 г. // Русская идея : Сб. произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 188.

Глава 8 Русофобия

Рассматривая проблемы менталитета, нельзя пройти мимо темы агрессивной русофобии, которая имела своих идеологов исстари, может быть со времен деления либеральной интеллигенции на западников и славянофилов. В Европе и среди тех, кто мешал «французский с нижегородским», бытовали идеи залетного «русофоба» графа де Кюстина (30–40-е гг. XIX в.). Впоследствии Федор Тютчев, гениальный мыслитель, который смотрел на Родину из «прекрасного далека», будучи дипломатом, отмечал такое патологическое явление, как «русофобия некоторых русских людей — кстати весьма почитаемых». Примечательно, по словам известного поэта, во времена Николая I они говорили с ненавистью о бесправии, отсутствии свободы печати. Однако по мере того, как Россия добивалась большей свободы, «нелюбовь к ней этих господ только усиливается». Не перевелись русофобы и в период советской власти. Достаточно вспомнить высказывания и действия главного военачальника Л. Д. Троцкого, направленные на «расказачивание», вышедшие огромными тиражами оголтело русофобские «Злые заметки» Н. И. Бухарина. Оболганию в них подверглась целая плеяда крестьянских писателей, в том числе и Сергей Есенин. В силу определенных причин, в частности набиравшего силу авторитарно — тоталитарного режима, своевременно не была дана отповедь этим агрессивным русофобским установкам.

Примечательно, что один из выдающихся мыслителей А. Ф. Лосев писал в то время без надежды быть опубликованным: «Сколько связано с этим именем (Родина — *А. К.*) всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: «квасной патриотизм», «ура-патриотизм», «казенный оптимизм» и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу Родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны»¹.

Размывать ментальные установки русских продолжают в наше время известные русофобы, такие как американский историк Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский, гуру западной геополитики, Александр Янов, историк, бывший наш соотечественник, а также «агент влияния» в России Валерия Новодворская, правозащитница и публицист. Допускает безответственные обвинения в адрес русских магнат финансового капитала Петр Авен. Нашлись маляры от искусства, которые изображали Россию в виде коровы, ко-

¹ Цит. по: Кожин В. В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 10.

торой засматривают в заднепроходное отверстие зеваки, вопрошающие что там с Россией?

По данным отечественных социологов, 10 % населения страны высказывают русофобские взгляды. Много это или мало? Этнологи успокаивают: примерно столько же и более в Западной Европе людей ненавидят государствообразующие народы. Однако такие утверждения вряд ли смогут успокоить людей, которые ратуют за сохранение своей культуры, традиций, духовного, русского мира, основ и ценностей человеческого бытия, «свободы духа». Как в свое время подчеркивал Н. А. Бердяев, «Россия — страна безграничной свободы духа». Мыслитель противопоставлял «внутреннюю свободу русского народа» «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним», «мещанскими нормами»¹.

Русофобские мотивы стали нарастать как на Западе, так и у наших «западников» в период перестройки и постперестройки. А. С. Панарин объясняет это так: «Почему объектом агрессии выступает в первую очередь русский народ? Здесь мы видим превращение идеологических и политических категорий в расово-антропологические. Как возникла новая логическая цепочка либеральной пропаганды: от антикоммунизма — к критике государственного начала вообще, а от нее — к «антропологической» критике русского народа, к расистской русофобии? Русский народ в самом деле является одним из самых государственных в мире. Причем данная черта является не просто одной из его характеристик, отражающих ситуацию де-факто, но принадлежит к его сакральной антропологии как народа — богоносца, затрагивает ядро его ценностной системы»².

В заключение можно констатировать, что сегодня наша страна в стадии Смуты, как сказали бы применительно к человеку, серьезно больна. Есть ли надежда на выздоровление. Безусловно. Надежда умирает последней. «Конечно, нам нужна надежда веры, — пишет известный публицист С. Кара-Мурза, — и мы верим в выздоровление глубоко и искренне. Но этого мало, нам нужна и надежда разума. Только она заставляет искать и действовать. Эта надежда требует мужества, поскольку заставляет как бы отвлечься от веры в спасение, и признать, что гибель возможна, и судьба — в наших руках. Эта надежда отвергает фатализм, но предупреждает, что и гарантии благоприятного исхода нет, мы сами несем за него ответственность»³.

¹ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 6-7.

² Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Кто такие русские. М., 2010. С. 203.

³ Там же. С. 237.

Тем не менее, иные отечественные «культурегеры» не прочь перенести зарубежный менталитет на русскую почву с целью «осовременить», дотянуть до западной цивилизации русский народ. Однако все эти попытки неминуемо терпят провал, так же как нельзя чужую голову приторочить к инородному телу. Так же как перенести немецкую протестантскую этику и японскую буддистскую этику в современную Россию. Прежде чем перенести экономические «модели чуда» Германии и Японии в наше Отечество, следовало бы перенести природно-климатическую, историческую, социокультурную, религиозную среду, что выглядит утопично. Ведь менталитет (по Ф. Броделю и другим представителям французской школы «Анналы») проявляется в жизни нескольких поколений, действует во «времени большой длительности», служит своего рода стабилизатором национальной жизни.

Завершить монографию можно было бы словами актера Леонида Филатова: «Не такой уж мы простой народ, каким нас пытаются представить, да и мы сами стараемся себя выставить. Россия — это ведь не только Россия Щедрина, полная дураков. Это еще и Россия Чехова, Достоевского... Тут столько намешано: и драма, а фарс, и трагедия.

Мы непонятны Западу, мы многословны и путаны. Но и Запад не для нас. Это сейчас прекрасно понимают те, кто там пожил. Мы навсегда отравлены нашей прекрасной, безалаберной жизнью, долгой упоенной болтовней друг с другом. Мы задыхаемся, если некому душу открыть и чужую в себя впустить»¹.

¹ Цит. по: Белянко О. Е., Трушина Л. Б. Русские с первого взгляда. Что принято и что не принято у русских. Изд. 3-е, стереот. М., 2000. С. 77.

Королев Анатолий Акимович

**Этноменталитет:
сущность, структура, проблемы формирования**

Компьютерная вёрстка монографии и подготовка электронной версии монографии — доктор исторических наук В. К. Криворученко, кандидат философских Б. Н. Гайдин

Отпечатано с готового оригинала-макета,
подготовленного на кафедре истории МосГУ, в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета «Социум».
111395, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. 11.
Редакция: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. 6.
Тел.: +7 (499) 374-68-87
E-mail: vk@mosgu.ru